

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Смирнов Михаил Алексеевич

Онтологические основания семантики событий

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:

Драгалина-Черная Елена Григорьевна,
доктор философских наук, профессор

Москва, 2023

Введение

Актуальность темы исследования

Одна из заметных тенденций в современной логической семантике – активное использование и исследование подходов, в центре которых находятся такие категории, как «событие», «ситуация», «процесс», «состояние». Будем обобщенно называть их динамическими категориями, поскольку содержание этих понятий связано с динамикой (события и процессы происходят, ситуации могут возникать и устраняться, состояния могут сменять друг друга). Логико-семантические концепции, основывающиеся на этих категориях, можно называть семантикой событий в широком смысле, хотя в некоторых контекстах это выражение употребляется более узко (прежде всего, в адрес дэвидсоновской семантики, о которой подробно пойдет речь ниже). Отмеченная тенденция обусловлена рядом причин.

Во-первых, многие специалисты полагают, что использование этих категорий необходимо для построения формальной семантики естественных языков. Для обоснования такой позиции указывается, что эти подходы позволяют решить проблемы, представляющие трудность для стандартной логической семантики. Например, считается, что дэвидсоновская семантика событий позволяет решить проблему формальной репрезентации логического следования при наречной модификации естественно-языковых предложений.

Во-вторых, эти категории востребованы и для решения собственных проблем логической семантики. В качестве примера можно указать проблему «логического всезнания», с которой сталкивается стандартная семантика возможных миров для модальной логики. Один из подходов к решению этой проблемы основан на использовании ситуационной семантики.

В-третьих, популярность этих семантических подходов можно связать с тем, что в современной философии широко представлены и активно обсуждаются релевантные им онтологические концепции (различные версии онтологии событий, онтология ситуаций, процессуальная онтология, «четырёхмерная онтология»).

В-четвертых, некоторые исследователи полагают, что обращение к динамическим категориям необходимо для исправления фундаментальных концептуальных недостатков постфреговской логической семантики, не приспособленной для работы с динамическим, темпоральным измерением мышления.

Исследование онтологических оснований этих семантических подходов весьма важно для прояснения их специфики и оценки их перспектив. Как будет подробнее показано ниже, эта тема недостаточно разработана в предшествующей литературе.

Степень разработанности проблематики

Становление современной символической логики обычно связывается с развитием технических средств логического анализа, происшедшим благодаря интеграции логики с математическими теориями и инструментами. Результатом этого развития считается возможность более точно и систематично подойти к традиционным логическим вопросам и задачам, а также поставить и решить ряд новых. Однако специфика концепций классиков символической логики не сводится к используемым ими техническим средствам. Она не исчерпывается и их позицией в таких предметных сферах, как философия математики и философия языка. Логико-семантические теории Дж. Буля, Г. Фреге, Б. Рассела, Я. Лукасевича определенным образом воплощают их онтологические и эпистемологические взгляды, хотя эта связь до сих пор недостаточно изучена.

В современной логико-философской литературе отчетливо звучат реплики о том, что некоторые проблемы, поставленные в тот период и остающиеся актуальными сегодня, являются артефактом философских предпосылок логико-семантических теорий и обусловлены игнорированием в них динамических аспектов реальности и мышления. Возможность решения или снятия этих проблем часто связывается с построением логико-семантических концепций, в центре которых находятся динамические категории.

Впрочем, некоторые основоположники символической логики придают категории «событие» фундаментальную роль в логической семантике. Показательна здесь позиция Буля, который полагает, что одни и те же элементы его символической системы могут с равным правом интерпретироваться и как обозначение высказываний (англ. *propositions*), и как обозначение событий (англ. *events*). При исследовании проблем чистой логики он использует литеры (*x*, *y*, ...) для обозначения элементарных высказываний, а в теории вероятностей применяет их для обозначения простых событий, полагая эти интерпретации эквивалентными¹.

Однако столь влиятельная фигура как Фреге, кажется, выступает с прямо противоположными интенциями. Мир его логической семантики населяют предметы и понятия, но не события. Он критикует логическую семантику Буля за наличие в ней темпорального аспекта (трактовку имплицативных высказываний как утверждений об отношении подчинения между классами моментов времени), называя его совершенно неуместным². Предметом логики для него являются *мысли*; они не творятся, но открываются человеком; они не преходящи, как события физического мира, но вневременны³.

¹ *Boole G.* An Investigation of the Laws of Thought. Project Gutenberg, 2017. P. 129–130.

² *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: сборник трудов. М., 2000. С. 196, 277.

³ Там же. С. 340

В связи с этим в современной литературе звучат реплики о том, что атемпоральная и бессобытийная логическая семантика Фреге, став одним из основных технических средств теоретической работы, оказывает искажающее влияние на научное и философское мышление. Такую характеристику мы находим, к примеру, у Б. Смита. Он полагает, что позиция йенского логика обусловлена установкой на работу с вневременными математическими объектами. По его мнению, у последователей Фреге (к которым он относит Р. Карнапа и многих других философов XX–XXI вв.) эта тенденция приводит к тотальному искажению онтологии: из нее устраняется все динамическое, подменяясь описанием в терминах статических миров⁴. Для исправления этого положения Смит предлагает обратиться к онтологии Аристотеля и использовать ее как основу логической семантики, обогатив категорией оккурентов (событий).

Еще один источник критики в адрес фрегевской и постфрегевской логической семантики – работы Дж. Барвайса и Дж. Перри по ситуационной семантике. В них указывается, что бикомпонентная семантика Фреге предназначена для избавления от тех трудностей, с которыми связано понимание языковых выражений как отсылающих непосредственно к предметам внешнего мира (объяснение различий между выражениями, по-разному указывающими на один и тот же референт, а также существования выражений с пустой референцией). По словам Барвайса и Перри, сам Фреге не предлагает развернутую теорию смысла, однако она была разработана его последователями с помощью концептуального аппарата возможных миров. Это привело к появлению традиции семантики возможных миров, в качестве представителей которой они называют Р. Карнапа, Я. Хинтикку, Д. Каплана,

⁴ См.: *Smith B. Against Fantology // Experience and Analysis. Vienna, 2005. P. 153–170.*

С. Крипке, Р. Монтегю. Отдавая должное их результатам, Барвайс и Перри тем не менее полагают, что данная традиция основывается на некоторых некорректных установках. Это проявляется в присущих ей устойчивых проблемах, таких как эффект «логического всеведения» и отсутствие адекватных методов анализа высказываний о пропозициональных установках (по их мнению, такие методы так и не были разработаны в этой традиции, несмотря на пристальный интерес к этой проблематике со времен Фреге). Барвайс и Перри считают, что корректное решение этих проблем возможно в рамках предлагаемой ими ситуационной семантики. Они рассматривают ее как реализацию постулата, отвергнутого Фреге: языковые выражения непосредственно указывают на предметы во внеязыковой действительности. По их словам, в основе этой семантики лежит развиваемая ими теория ситуаций, направленная на «классификацию событий»⁵. Указывается, что эта семантика близка к идеям Б. Рассела и Дж. Остина, которые в определенной степени можно рассматривать как альтернативу стандартной постфрегевской семантике.

Важный вопрос, на который по-разному отвечают представители этих альтернативных линий, – вопрос о референции высказывания. Эта проблема, являвшаяся предметом разногласий между классиками символической логики, продолжает обсуждаться и сегодня⁶.

⁵ Barwise J., Perry J. *Situations and Attitudes*. Cambridge (Mass.), 1998. P. 5.

⁶ Среди недавних отечественных работ, посвященных ей, можно отметить: Шрамко Я. В. Истина и ложь: что такое истинностные значения и для чего они нужны // *Логос*. 2009. № 2 (70). С. 96–121. Горбатов В. В. Из чего «сделаны» истинностные значения? // *Эпистемология и философия науки*, 2010. Т. XXV. № 3. С. 82–94. Куслий П. С. Является ли истина денотатом предложения? // *Эпистемология и философия науки*. 2010. Т. XXIII. № 1. С. 67–83. Микиртумов И. Б. Аспекты значения и «праща» Дэвидсона // *Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии*. Сборник научных статей,

Как известно, в бикомпонентной семантике Фреге референтом высказывания в прямом контексте считается его истинностное значение, рассматриваемое как особого рода предмет (точнее, один из двух предметов – истина либо ложь). Фреге постулирует наличие также второго семантического компонента – смысла высказывания, определяемого как мысль, выражаемая в этом высказывании. В косвенных же контекстах, согласно Фреге, референтом высказывания становится его смысл. Как уже отмечалось, бикомпонентная семантика кажется хорошим способом решить некоторые семантические проблемы. В постфрегевской традиции были предприняты попытки построить теорию смысла (интенционала) более детальным и систематическим образом ⁷.

Некоторые философы выражают скепсис в адрес понятия смысла в семантике, считая его неясным и избыточным ⁸. В связи с этим предпринимаются попытки построения чисто экстенциональной семантики. Однако эти попытки часто остаются в русле, сформированном фрегевской мыслью: в частности, референтом высказывания по-прежнему считается истинностное значение. Можно предположить, что такие системы сохраняют установки, заложенные Фреге. Возможно, эти установки даже усиливаются, будучи имплицитными.

посвященных юбилею Е. Д. Смирновой. М., 2011. С. 126–143. Васюков В. Л. Ситуации, события, факты: формальная феноменология ситуаций. М., 2019.

⁷ См.: Church A. A Formulation of the Logic of Sense and Denotation // Structure, Method and Meaning. N. Y., 1951. P. 3–24. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. М., 1959. См. также характеристику интенциональной логики в Микиртумов И. Б. Бикомпонентная семантика и интенциональная логика (проблемы логики смысла и денотата). Дисс. ... канд. филос. наук. СПб, 1996.

⁸ См., напр.: Куайн У. В. Кванторы и пропозициональные установки // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 33. № 3. С. 213–225.

Проекты логической семантики, где в качестве референтов высказываний выступают не истинностные значения, а ситуации, можно считать радикальной альтернативой как стандартным интенциональным, так и стандартным экстенциональным постфреговским подходам. К таким проектам можно отнести нефреговскую логику и ситуационную семантику.

Термин «нефреговская логика» употребляется в первую очередь для указания на работы Р. Сушко конца 1960-х – 1970-х годов⁹. В качестве других представителей этого направления можно назвать С. Л. Блума, Р. Вуйцицкого, Д. Мартенса, П. Ацела, П. Луковского¹⁰. В более широкой перспективе предпосылки к появлению нефреговской логики усматриваются в логико-философской литературе 1920-х – 1950-х гг. (в частности, у Я. Лукасевича, хотя Сушко противопоставляет свою теорию его трехзначной логике), а заданные в ней векторы прослеживаются в 1990-х – 2000-х гг. (например, в двухуровневой семантике В. А. Смирнова) и у современных авторов (например: В. Л. Васюков, А. Гжегорчик, Й. Голинська-Пиларек, И. Н. Грифцова, С. Левицка, Т. Хуусконен).

Идеи Сушко будут подробнее рассмотрены в настоящей работе. Важно отметить, что в них весьма существенную роль играет разграничение логического и онтологического аспектов формализованных систем. Сушко не отказывается от рассмотрения истинностных значений как логических значений высказываний и придерживается принципа бивалентности применительно к ним. Однако в онтологическом аспекте он трактует фреговскую бивалентность как неприемлемую идею о существовании лишь

⁹ Некоторые из этих работ: *Suszko R. Ontology in the "Tractatus" of L. Wittgenstein // Notre Dame Journal of Formal Logic, 1968. Vol. IX. No. 1. P. 7–33. Suszko R. Identity Connective and Modality // Studia Logica. 1971. Vol. 27. P. 7–39. Suszko R. The Fregean Axiom and Polish Mathematical Logic in the 1920s // Studia Logica. 1977. 36 (4). P. 377–380.*

¹⁰ См. обзор в *Васюков В. Л. Указ. соч.*

двух ситуаций. Таким образом, строго говоря, «нефреговской» у Сушко является именно онтология.

Термин «ситуационная семантика» в узком смысле относится к проекту Барвайса и Перри, а также к работам исследователей, достаточно тесно к нему примыкающих, среди которых можно отдельно отметить А. Кратцер. Некоторые мотивы развития этого проекта уже рассмотрены выше. В целом можно сказать, что программа ситуационной семантики обусловлена как онто-эпистемологическими предпочтениями ее авторов, так и стремлением решить ряд конкретных проблем. Некоторые из этих проблем носят достаточно общий характер (например, проблема «логического всезнания», проблемы семантики пропозициональных установок), а некоторые относятся к конкретным феноменам естественного языка и обыденной коммуникации (например, семантика предложений с «чистым инфинитивом» в английском языке). Характерной и в целом очень привлекательной чертой этого направления является стремление вписать решение конкретных проблем в фундаментальную онто-эпистемологическую рамку. Правда, в литературе можно встретить мнение, что в работах Барвайса и Перри преобладают именно общие теоретические рассуждения, а деталям решения проблем уделяется недостаточно внимания¹¹.

Барвайс и Перри рассматривают свою ситуационную семантику как альтернативу стандартной семантике возможных миров. Однако существуют концепции, в которых это противопоставление отсутствует. В них ситуации рассматриваются как «неполные» возможные миры¹². По всей видимости, такие подходы следует отнести к ситуационной семантике в широком смысле,

¹¹ См.: Моисеева А. Ю. Ситуационная семантика А. Кратцер: факты и виды следования // Философия науки. 2019. № 4 (83). С. 147–167.

¹² См.: Бах Э. Неформальные лекции по формальной семантике. М., 2010.

хотя возникающая при этом теоретическая разнородность представляет собой нежелательное явление. В различных теоретических контекстах по-разному трактуются и ситуации, и возможные миры; некоторые из этих трактовок (если не все) связаны с определенными онтологическими предпосылками и проблемами.

На мой взгляд, наиболее существенной онтологической (и семантической) проблемой, затрудняющей обоснование ситуационной семантики, является проблема индивидуации ситуаций. Ее негативное решение становится аргументом в пользу фреговской теории о том, что референтом любого истинного высказывания является одна и та же сущность (которую можно рассматривать как истинностное значение) и что таким же образом дело обстоит с ложными высказываниями. Рассуждения такой направленности с подачи Барвайса и Перри называются «аргументами пращи» (англ. *slingshot arguments*). В качестве авторов «аргументов пращи» в различных источниках указываются Г. Фреге, А. Чёрч, К. Гёдель, У. Куайн, Д. Дэвидсон¹³.

Как попытку решить проблему индивидуации ситуаций можно рассматривать теорию экземплификации высказываний, предлагаемую А. Кратцер. В настоящей работе будет проанализировано, позволяют ли критерии, сформулированные в этой теории, разрешить онтологические трудности ситуационной семантики.

Другая важная группа семантических теорий, в которых базовый статус придается динамическим категориям, – дэвидсоновская семантика событий. Под дэвидсоновской семантикой событий в настоящей работе

¹³ См.: Neale S. The Philosophical Significance of Gödel's Slingshot // *Mind*. 1995. Vol. 104. No. 416. P. 761–825. Perry J. Evading the Slingshot // *Philosophy and Cognitive Science: Categories, Consciousness, and Reasoning*. Dordrecht, 1996. P. 95–114.

подразумевается семейство семантических подходов, центральную идею которых можно сформулировать так:

в широком классе предложений естественного языка у глагольных предикатов имеется скрытый аргумент – экзистенциально квантифицированная переменная, пробегающая над множеством событий, которые следует понимать как логические индивиды.

Термин «дэвидсоновская семантика событий» охватывает здесь и подход, предложенный Д. Дэвидсоном в конце 1960-х, и его более поздние расширения и модификации, например «неодэвидсоновскую семантику» Т. Парсонса, «полудэвидсоновскую семантику» А. Кратцер, «постдэвидсоновскую семантику» Дж. Рамчанд ¹⁴.

В современной литературе эти подходы часто называют просто семантикой событий (англ. *event semantics*). Именно в таком смысле это словосочетание широко употребляется на протяжении уже нескольких десятилетий в англоязычных текстах, в том числе в диссертациях ¹⁵ и обзорных работах ¹⁶. В русскоязычной литературе термин «семантика событий» (иногда также

¹⁴ См.: *Davidson D. The Logical Form of Action Sentences // The Logic of Decision and Action. Pittsburgh, 1967. P. 81–95. Parsons T. Events in the Semantics of English: A Study in Subatomic Semantics. Cambridge (Mass.), London, 1990. Kratzer A. Severing the External Argument from the Verb // Phrase structure and the Lexicon. Dordrecht, 1996. P. 109–137. Ramchand G. C. Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. Cambridge, 2008.*

¹⁵ Нап.: *Piñon Ch. J. An Ontology for Event Semantics. Dissertation... for the degree of doctor of philosophy. Stanford, 1995.*

¹⁶ Нап.: *Maienborn C. Event Semantics // Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Vol. 1. Berlin, Boston, 2011. P. 802–829.*

«семантика события»), используемый таким образом, закрепляется в 2010-е гг.¹⁷.

Однако нужно иметь в виду, что словосочетание «семантика событий» может употребляться также в других контекстах и смыслах. Оно может применяться к различным модельным структурам, в которых фигурируют «события» как семантические единицы¹⁸, но их авторы иногда критически относятся к подходам в духе Дэвидсона.

При более широком толковании можно отнести к семантике событий и ряд других направлений, например ситуационную семантику. Соотношение между категориями «событие» и «ситуация» не вполне прояснено. Так, А. Кратцер с определенного периода трактует событие как «минимальную ситуацию», считая излишним выделение событий как отдельной семантической категории; однако возможны и другие точки зрения.

Наконец, словосочетание «семантика событий» можно встретить и в работах из достаточно далеких предметных областей – например,

¹⁷ См.: *Татевосов С. Г.* Семантика события как эмпирическая проблема // *Философия языка и формальная семантика*. М., 2013. С. 9–42. *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М., 2015. *Васюков В. Л., Драгалина-Черная Е. Г., Долгоруков В. В.* *Logica Ludicra*: аспекты теоретико-игровой семантики и прагматики. СПб., 2014. *Куслий П. С.* Кванторы и онтология естественного языка // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 1. С. 25–41. *Вострикова Е. В., Куслий П. С.* Логико-философский анализ языка: современный взгляд. М., 2017. *Черняк А. З.* Семантика события и дискурс // *Вопросы философии*. 2017. № 2. С. 83–93.

¹⁸ См., напр.: *Kamp H.* Events, Instants and Temporal Reference // *Semantics from Different Points of View*. Berlin, 1979. P. 376–417. *van Benthem J.* *The Logic of Time*. Dordrecht, 1983. *Смирнов В. А.* Утверждение и предикация. Комбинированные исчисления высказываний и событий // *Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик*. М., 1989. С. 27–35. *Landman F.* *Structures for Semantics*. Dordrecht, 1991. *van Lambalgen M., Hamm F.* *The Proper Treatment of Events*. Malden (Mass.), 2005.

посвященных анализу видеоданных¹⁹ или взаимодействию между вербальным и невербальным мышлением²⁰. Все это говорит в пользу того, что для подходов в духе Дэвидсона лучше употреблять более специальный термин.

Важно отметить, что дэвидсоновская семантика событий (далее: ДСС) возникла в философской литературе, но впоследствии вышла за ее пределы и на сегодняшний день активно используется в других сферах. Среди них можно упомянуть:

- теоретические лингвистические исследования в таких областях, как аспектология, лексическая семантика, семантическая декомпозиция²¹;
- анализ результатов экспериментальных исследований в сфере когнитивистики и психолингвистики²²;
- подходы к компьютерной обработке естественных языков²³;
- исследования в области искусственного интеллекта²⁴.

¹⁹ Salev K., Tomii T., Arisawa H. Extracting Event Semantics from Video Data Based on Real World Database // *Advances in Database Technologies*. Berlin, Heidelberg, 1999. P. 554–567.

²⁰ Ivanova A. A., Mineroff Z., Zimmerer V., Kanwisher N., Varley R., Fedorenko E. The Language Network is Recruited but not Required for Nonverbal Event Semantics // *Neurobiology of Language*. 2021. 2 (2). P. 176–201.

²¹ Напр.: Borer H. *Structuring Sense*. Vol. II: The Normal Course of Events. Oxford, 2005. Ramchand G. C. *Op. cit.* Rappaport Hovav M., Dorot E., Sichel I. (eds.). *Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure*. Oxford, 2010. Croft W. *Verbs: Aspect and Causal Structure*. Oxford, 2012.

²² Напр.: Pietroski P. M. Framing Event Variables // *Erkenntnis* (1975–). 2015. Vol. 80. Supplement 1: Inner and Outer Boundaries of Language. P. 31–60.

²³ Напр.: Copestake A., Flickinger D., Sag I. A., Pollard C. Minimal Recursion Semantics: An Introduction // *Research on Language and Computation*. 2005. 3. P. 281–332. Demberg V., Sayeed A. Incremental Neo-Davidsonian Semantic Construction for TAG // *Proceedings of the 11th International Workshop on Tree Adjoining Grammars and Related Formalisms (TAG+11)*. Paris, 2012. P. 64–72.

²⁴ Напр.: Nakamura M., Nobuoka S., Shimazu A. Towards Translation of Legal Sentences into Logical Forms // *JSAI 2007: New Frontiers in Artificial Intelligence*. Heidelberg, 2008. P. 349–362.

В то же время ДСС вызывает целый ряд вопросов философского характера. Равносильно ли ее использование утверждению о том, что события, понимаемые как логические (и онтологические) индивиды, существуют наряду с «обычными» индивидами (с которыми, как принято говорить, они происходят)? Совместим ли такой подход с онтологической парсимонией (а может быть, именно он при последовательном проведении является ее наиболее полным воплощением)? И, главное, какое содержание, собственно, мы вкладываем в понятие «событие»?

Распространено мнение, что подобные вопросы можно оставить философам, а при использовании ДСС в конкретных задачах – отвлечься от них. За этим стоит убеждение в том, что ДСС – в первую очередь «формальный» подход, позволяющий зафиксировать скрытые элементы синтаксиса (или того, что сейчас принято называть синтактико-семантическим интерфейсом) естественного языка, а онтологические аспекты выступают лишь надстройкой над этой структурой. Как будет показано в настоящей работе, это мнение неверно.

Реплики о том, что предложения естественного языка можно рассматривать как утверждения о существовании некоторого события, встречаются у Ф. Рамсея²⁵ и Х. Райхенбаха²⁶, упоминаемых в соответствующем контексте Дэвидсоном²⁷. Эту мысль трудно назвать исключительно оригинальной; например, нечто схожее еще ранее высказывает А. Бергсон, правда, говоря не о событии, а о процессе²⁸. Кроме того, по мнению Т. Парсонса, близкие по

²⁵ *Ramsey F. P. Facts and Propositions // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1927. Vol. 7. P. 156.*

²⁶ *Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1947. P. 271.*

²⁷ *Davidson D. Op. cit. P. 90–91. Davidson D. Essays on Actions and Events / 2nd ed. Oxford, 2001. P. 135.*

²⁸ *Бергсон А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. СПб., 1913. С. 279–280.*

духу концепции можно найти в древнеиндийской грамматике Панини, у Платона и в грамматике Пор-Рояля ²⁹. Впрочем, последнее утверждение, вероятно, основывается на чрезмерном обобщении.

Заслуга Дэвидсона состоит в применении этой общей идеи к конкретной проблеме, сформулированной чуть ранее Э. Кенни. Последний в работе, посвященной философии языка и философии действия, стремится показать радикальное различие между действиями и отношениями (в логическом смысле этого слова). По мысли Кенни, любое отношение можно описать с помощью определенного предиката фиксированной местности, тогда как об одном и том же действии можно говорить, варьируя подробность описания, например:

(1) *Брут убил Цезаря в курии Помпея.*

(2) *Брут убил Цезаря.*

Если допустить, что действия с логической точки зрения являются подклассом отношений и их можно формализованно описывать так же, как другие отношения, то получается, что одному и тому же действию соответствуют предикаты различной местности. Для приведенных выше примеров:

(3) *Убил₃(Брут, Цезарь, курия Помпея)*

(4) *Убил²(Брут, Цезарь)*

Однако, по мысли Кенни, такая формализация неадекватна нашим обыденным представлениям о действиях и о предложениях, в которых описываются действия. Мы убеждены, что из предложения (1) логически следует предложение (2), но из формулы (3) не следует формула (4), ведь это атомарные формулы с разными предикатами.

²⁹ *Parsons T. Op. cit. P. 4.*

Предложенное Дэвидсоном решение состоит в том, чтобы приписать предложениям (1) и (2) логические формы (5) и (6) соответственно:

$$(5) \quad \exists x [\text{Убил}(\text{Брут}, \text{Цезарь}, x) \wedge \text{В}(\text{курия_Помпея}, x)]$$

$$(6) \quad \exists x [\text{Убил}(\text{Брут}, \text{Цезарь}, x)]$$

Иначе говоря, по его мнению, предложение (1) на уровне логической формы состоит из двух клауз, соединенных конъюнкцией, что и передается записью (5). В обеих клаузах фигурирует одна и та же экзистенциально квантифицированная переменная. Вначале Дэвидсон рассматривает ее как переменную, пробегающую по множеству *действий*, а затем заявляет, что ее семантику можно обобщить до категории *событий* (полагая, что действия являются подмножеством событий). Будем в дальнейшем именовать ее *дэвидсоновской переменной*. В литературе зачастую фигурирует также термин *событийная переменная*; с учетом сказанного ниже, его следует считать более узким.

Первая клауза представляет собой утверждение о том, что имело место событие, участниками которого были Брут и Цезарь, и указывает на тип этого события (убийство). Эта клауза аккумулирует то содержание, которое несут основные члены исходного естественно-языкового предложения: тип события передается глаголом, а на участников указывают подлежащее и прямое дополнение ³⁰. Вторая клауза описывает некоторую подробность – обстоятельство места; фигурирующий в исходном предложении предлог «в» рассматривается как двухместный предикат, аргументами которого являются событие и место (таким образом, утверждается, что это событие произошло в этом месте). Количество подобных второстепенных клауз, присоединяемых с

³⁰ В рассматриваемом случае фигурирует переходный глагол, указывающий на двух участников события. Непереходные глаголы вводят одного участника.

помощью конъюнкции, может быть разным, как и характер описываемых в них подробностей.

Предложение (2) несет только часть содержания предложения (1), поэтому ему соответствует логическая форма (6), в которой отсутствует вторая клауза. Как нетрудно видеть, между логическими формами (5) и (6) имеет место искомое логическое следование.

Для Дэвидсона этот подход значим не только локально (как способ решить проблему, поставленную Кенни), но и как часть более широкого комплекса взглядов на проблемы действия, сознания и каузальности. Во всех этих контекстах для американского философа оказывается важным понимание события как *партикулярии*, объективно данного конкретного объекта познания, который при этом может осмысляться «под различными описаниями». Говоря о различных способах описания одного и того же события, Дэвидсон опирается на подход, предложенный Э. Энском в связи с проблемами философии действия³¹.

В течение некоторого времени дэвидсоновский подход вызывал умеренный резонанс в литературе по философии, формальной семантике и теоретической лингвистике³². Зачастую ему адресовалась критика, некоторые моменты которой будут рассмотрены ниже. Однако с 1980-х гг. многие исследователи укореняются в убеждении, что Дэвидсон прав на базовом уровне, и при этом предлагают модификации отдельных аспектов его подхода. Это движение можно называть «неодэвидсоновской семантикой» в

³¹ См.: *Anscombe E. Intention / 2nd ed. Cambridge (Mass.), 2000.*

³² См., напр.: *Montague R. On the Nature of Certain Philosophical Entities // The Monist. 1969. Vol. 53. No. 2. P. 159–194. Fodor G. Troubles about Actions // Synthese. 1970. Vol. 21. No. 3/4. P. 298–319. Verkuyl H. J. On the Compositional Nature of the Aspects. Dordrecht, 1972.*

широком смысле (в узком же смысле данное выражение указывает конкретно на один из таких подходов, предложенный Т. Парсонсом).

Можно выделить несколько важных особенностей неодэвидсоновской семантики. Во-первых, смещаясь в область интересов лингвистов, она дистанцируется от некоторых из упомянутых выше философских контекстов, актуальных для Дэвидсона (таких как философия действия и философия сознания). В то же время ее обсуждение сопрягается с рядом других философских тем. В частности, это проблемы семантической типологии и мереологии глагольных и именных предикатов естественного языка, разрабатывающиеся на стыке теоретической лингвистики и аналитической философии языка. Опираясь на идеи таких авторов, как З. Вендлер, Э. Кенни, А. Мурелатос, Э. Бах³³, представители неодэвидсоновской семантики модифицируют категориальный аппарат. Теперь в качестве значения дэвидсоновской переменной может рассматриваться не только *событие*, но и *процесс* или *состояние*. Важно отметить, что эта модификация несет не только очевидное расширение семантической номенклатуры, но и неочевидное изменение смысла самого слова «событие» по сравнению с тем, как оно употребляется у Дэвидсона.

Во-вторых, несколько меняется способ анализа логической формы предложения. Следуя Т. Парсонсу, в таких простых предложениях, как «Брут убил Цезаря», следует выделять как минимум следующие семантические компоненты:

- событие *e*, которое представляет собой *убийство*;

³³ См.: Vendler Z. Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66. No. 2. P. 143–160. Mourelatos A. P. D. Events, Processes, and States // Linguistics and Philosophy. 1978. Vol. 2. No. 3. P. 415–434. Bach E. The Algebra of Events // Linguistics and Philosophy. 1986. Vol. 9. No. 1. P. 5–16. Kenny A. Action, Emotion and Will. 2nd ed. London; N. Y., 2003.

- агенс события e , которым является *Брут*;
- пациенс события e , которым является *Цезарь*;
- кульминацию события e , которая приходится на некоторое время в прошлом.

Парсонс предлагает описанную ниже базовую схему анализа.

- Центральному глаголу предложения соответствует одноместный предикат, выражающий тип события (процесса, состояния). Его аргументом является дэвидсоновская переменная.
- Другие семантические компоненты вводятся с помощью индивидуальных термов (констант или переменных) в отдельных клаузах, присоединяемых конъюнкцией. В таких клаузах фигурирует двухместный предикат, одним из аргументов которого является индивидуальный терм, а вторым – дэвидсоновская переменная. Предикат указывает на тематическую роль семантического компонента – *агенс*, *пациенс*, *кульминация* (спектр и номенклатура тематических ролей варьируются в разных версиях неодэвидсоновской семантики).

Применив подход Парсонса, предложение «Брут убил Цезаря» можно проанализировать так:

$$(7) \quad \exists e \exists t [\text{Убийство}(e) \wedge \text{Агенс}(e, \text{Брут})$$

$$\wedge \text{Пациенс}(e, \text{Цезарь}) \wedge \text{Кульминация}(e, t) \wedge t < t_0],$$

где e – дэвидсоновская переменная, пробегающая по множеству событий;

t – индивидуальная переменная, пробегающая по множеству времен (которые могут пониматься как моменты времени);

t_0 – индивидуальная константа, обозначающая настоящее время;

$<$ – двухместная предикатная константа, обозначающая отношение темпорального предшествования.

(Подход Парсонса представлен мной в модифицированном виде, чтобы привести его в соответствие со стандартным для современной логической литературы способом передачи темпоральных отношений с помощью многосортной первопорядковой логики предикатов.)

В-третьих, дэвидсоновскую переменную начинают использовать для экспликации семантики не только глаголов и отглагольных существительных, но и прилагательных и неотглагольных существительных. Интересный подход предлагает А. Кратцер с опорой на некоторые более ранние работы, в частности – книгу Г. Карлсона, посвященную феномену референции к классам в английском языке³⁴. Важное место в этой книге занимают философские размышления в духе «четырёхмерной онтологии», в которых индивиды рассматриваются как совокупности пространственно-временных стадий. По мысли Кратцер, в естественном языке некоторые слова выступают как предикаты уровня индивида, а некоторые как предикаты уровня стадии (то есть указывают соответственно на индивидов и стадии в терминологии Карлсона), и различие между ними можно показать средствами семантики событий: у первых присутствует скрытый аргумент – событийная переменная, а у вторых он отсутствует. При этом, как указывает Кратцер, такое применение семантики событий оказывается более избирательным по сравнению с некоторыми другими подходами в неодэвидсоновском духе, в которых переменная, представляющая событие, процесс или состояние, приписывается всем типам естественно-языковых предикатов³⁵.

Следует констатировать, что проблема онтологических оснований семантики событий недостаточно разработана в литературе. Необходимо

³⁴ Carlson G. Reference to Kinds in English. N. Y. & London, 1980.

³⁵ Kratzer A. Stage Level and Individual Level Predicates // The Generic Book. Chicago, 1995. P. 126.

прояснить роль, которую категория «событие» и другие динамические категории играют в логико-семантических теориях. Как будет показано ниже, за счет обращения к этим категориям в формализованные подходы фактически вводятся семантические постулаты, остающиеся имплицитными, но существенно влияющие на их использование для решения тех или иных проблем и задач. Наличие различных взглядов на онтологию событий ведет к тому, что эти семантические постулаты варьируются, причем эта вариативность отнюдь не всегда артикулируется. Прояснение того, какие представления об онтологии событий кладутся в основу семантических теорий, требуется как для более четкого понимания их специфики, так и для ответа на вопрос о том, действительно ли они позволяют решить те логико-философские и лингвистические проблемы, для решения которых предназначаются.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования – анализ онтологических оснований логико-семантических подходов, центральное место в которых принадлежит динамическим категориям (ситуационная семантика, нефрегевская логика, дэвидсоновская семантика событий).

Задачи исследования:

1. Показать, какие возможности для построения логико-семантических систем возникают благодаря современным онтологическим концепциям (различные версии онтологии событий и онтологии ситуаций, процессуальная онтология, «четырёхмерная онтология»).
2. Оценить, насколько успешно решаются конкретные логико-семантические проблемы за счет обращения к перечисленным выше онтологическим концепциям.

3. Показать, с какими трудностями связано использование в семантике категорий «ситуация» и «событие». Описать предлагаемые в литературе подходы к преодолению этих трудностей и оценить их успешность.

4. Выявить семантические постулаты, имплицитно принимаемые в рассматриваемых логико-семантических теориях в силу онтологических предпочтений их авторов.

Теоретико-методологические основы исследования

Под онтологией, лежащей в основе той или иной семантической теории, в настоящей работе подразумевается система понятий, с помощью которых характеризуется функционирование синтаксических категорий языка. Например, если в семантической теории некоторый сорт переменных характеризуется как «событийные переменные», то онтология этой семантической теории включает понятие «событие».

Наделение содержанием терминов, заимствуемых из естественного языка (например, «событие»), нельзя считать произвольным выбором автора семантической теории. Произвольно можно придавать содержание новым языковым формам, но выражения, черпаемые из естественного языка, уже обладают устоявшимся употреблением и связями с другими элементами естественно-языковой системы. Необходимо реконструировать эти связи, независимо от того, можно ли при этом прийти к однозначной формулировке или лишь констатировать «семейное сходство».

Онтологические категории – не просто таксономические разряды. Функционируя в рамках языковой системы, онтологические категории выражают метафизические принципы. Под метафизическими принципами в настоящей работе подразумеваются такие утверждения, которые не являются продуктом применения познавательных процедур, но лежат в основе этих

процедур. В этом смысле можно сказать, что метафизические принципы носят априорный, а не апостериорный характер.

Например, принцип единообразия природы лежит в основе познавательных процедур, направленных на выявление естественных закономерностей. Как было показано Юмом, этот принцип не может быть итогом таких процедур. В то же время, если бы этот принцип не постулировался изначально, то сами эти процедуры не просто были бы необоснованны, но не могли бы иметь места как таковые (иначе говоря, он является условием их возможности). Метафизический принцип единообразия природы выражается в онтологической категории законов природы.

Помимо логико-философских теорий и подходов, в центре внимания в диссертации находятся проблемы и результаты лингвистических исследований. Кроме того, рассматриваются данные и выводы современных экспериментальных исследований, направленных на выявление «наивной» картины мира у детей раннего возраста и определение связи особенностей родного языка с особенностями когнитивной деятельности.

Говоря о методологических и технических особенностях настоящей работы, можно отметить следующее. В качестве базовых выразительных и аналитических средств используются стандартные версии языка классической логики высказываний и логики предикатов, стандартная теоретико-множественная семантика (знакомство с ними читателя предполагается). Элементы нестандартных логических систем и языков при необходимости вводятся со специальными пояснениями. Одна из особенностей работы состоит в том, что ряд фигурирующих в ней логико-семантических подходов можно рассматривать и как метод, и как предмет исследования, поскольку по поводу них осуществляется философская рефлексия.

Стоит пояснить также следующий технический момент. Примеры естественно-языковых предложений, используемые для демонстрации проблем и подходов к логико-семантическому анализу, даются главным образом на английском языке (их перевод на русский приводится в скобках). Это связано с тем, что именно английские примеры рассматриваются в большей части исследовательской литературы, обсуждаемой в настоящей работе. Для точной передачи подразумеваемых при этом проблем и идей лучше оперировать исходным материалом, поскольку эквивалентный перевод на русский язык не всегда возможен (например, в ряде случаев при переводе на русский необходимо выбирать между формами глагола совершенного и несовершенного вида, тогда как в исходном английском примере этот аспект просто отсутствует). Запись логической формы также обычно осуществляется с помощью английского языка, что во многих случаях позволяет сэкономить место и обойти некоторые сугубо технические трудности.

Научная новизна исследования

1. Показано, что различные версии семантики событий содержат неэксплицированные семантические постулаты, связанные с позициями в онтологии событий. Эти имплицитные постулаты оказывают влияние на формальные аспекты семантических теорий и возможности решения с их помощью конкретных логико-семантических проблем.
2. Сопоставлены возможности представления онтологической категории «событие» с помощью различных логико-семантических категорий: индивидуальных термов, предикаторов первого порядка, пропозициональных операторов. Показана корреляция этих подходов с онтологическими позициями.

3. Предложено оригинальное решение проблемы «двойного видения» средствами ситуационной семантики. В связи с этим эксплицирована эпистемическая нагрузка категорий «ситуация» и «объект».
4. Осуществлен критический анализ понятия минимальной ситуации и теории экземплификации предложения ситуацией. Показано, что события, фигурирующие в дэвидсоновской семантике, нельзя трактовать как минимальные ситуации.
5. Введено понятие предельной фактичности события, позволяющее прояснить различие между веридикальными, неверидикальными и антиверидикальными предложениями. Сформулированы критерии предельной фактичности события.
6. Предложен авторский подход к экспликации содержания категории «событие», согласно которому событие представляет собой смену диахронической ситуации. Намечены перспективы использования такой трактовки события в семантике.

Положения, выносимые на защиту

1. Проблема логического следования при наречной модификации предложений, возможность решения которой служит основным обоснованием дэвидсоновской семантики событий, с формальной точки зрения может быть успешно решена по-другому. Это означает, что использование дэвидсоновской семантики событий не может быть обосновано сугубо формально. Онтологическую мотивацию к ее использованию следует признать превалирующей.
2. Значение термина «событие» варьируется в зависимости от онтологической программы, в рамках которой он используется. В силу этого употребление термина «событие» в какой-либо семантической модели обязывает к экспликации ее онтологических оснований.

3. Онтологические допущения, принимаемые при использовании семантики событий, определяют возможности ее применения в рамках тех или иных конкретных задач. Эти онтологические допущения выступают как имплицитные семантические постулаты. В их числе – постулат реализованности, постулат контингентности и постулат минимальности, описанные в настоящей работе. В некоторых случаях эти имплицитные постулаты вступают в конфликт с эксплицитно принимаемыми допущениями, что приводит к возникновению теоретических проблем.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования с учетом степени ее разработанности в литературе, сформулированы цель и задачи, описаны теоретико-методологические основания исследования. Указана научная новизна работы и представлены положения, выносимые на защиту. Приведен список публикаций и докладов автора по тематике исследования.

В **первой главе** выполнен анализ онтологических концепций, релевантных теме исследования (различных версий онтологии событий, процессуальной онтологии, «четырёхмерной онтологии»). Показано, каким образом эти онтологические теории оказываются востребованными при анализе логической формы естественно-языковых предложений и при построении семантических модельных структур. Осуществлена критика редукционизма, элиминативизма и монизма в онтологии событий. Предложено авторское понимание события как онтологической категории.

В разделе **1.1** дана характеристика аристотелианства и витгенштейнианства как программ онтологии событий, играющих парадигмальную роль для современных концепций в этой сфере.

В подразделе **1.1.1** показано, что для современных логико-философских исследований характерен пересмотр онтологических оснований постфреговской логической семантики. По мнению ряда авторов, ее стандартный концептуальный аппарат не подходит для выражения таких аспектов реальности, как действия, события, темпоральность. Попытки их передачи ее средствами в этом контексте расцениваются как неадекватный «кинематографический» способ выражения динамики, ее эрзац ³⁶. Преодоление «онтологической ортодоксии» часто связывается с обращением к аристотелианству ³⁷ или витгенштейнианству ³⁸.

Это делает актуальными вопросы: какие концептуальные ресурсы позволяют аристотелианству и витгенштейнианству выступать в этой роли? являются ли эти программы строгими альтернативами или обладают общими чертами?

В подразделе **1.1.2** дана характеристика базовых различий и аналогий между аристотелианством и витгенштейнианством. Показано, каким образом в этих философских программах предстает категория «событие».

В качестве исходного пункта анализа рассмотрена работа Б. Вольневича, существенно повлиявшего на развитие ситуационной семантики ³⁹.

³⁶ См., напр.: *Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford, 1984. P. 212. Landman F. Structures for Semantics. Dordrecht, 1991. P. 186. Kenny A. Op. cit. P. 107.*

³⁷ См., напр.: *Smith B. Against Fantology // Experience and Analysis. Vienna, 2005. P. 153–170. Долгоруков В. В., Копылова А. О. «Онтологический квадрат» и теоретико-типовая семантика // Логические исследования. 2018. Т. 24. № 2. С. 36–58.*

³⁸ См., напр.: *Suszko R. Ontology in the “Tractatus” of L. Wittgenstein // Notre Dame Journal of Formal Logic, 1968. Vol. IX. No. 1. P. 7–33. Васюков В. Л. Указ. соч. Грифцова И. Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина: к вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М., 1998.*

³⁹ *Вольневич Б. Параллелизм между витгенштейнианской и аристотелианской онтологиями // Трансцендентное в современной философии: направления и методы. СПб., 2013.*

Поддерживая точку зрения, выраженную во влиятельной книге М. Блэка⁴⁰, Вольневич противопоставляет аристотелианство и витгенштейнианство как онтологию сущностей и онтологию фактов. По его мысли, это различие проявляется онтологически (в аристотелианстве «быть = быть сущностью», а в витгенштейнианстве «быть = быть фактом») и семантически (аристотелианские первые сущности – денотаты единичных имен, а витгенштейнианские факты – денотаты истинных предложений).

Тем не менее Вольневич указывает на параллелизм между двумя онтологиями. В основе сопоставления лежит констатация аналогий между базовыми категориями – «первыми сущностями» в аристотелианстве и «атомарными фактами» в витгенштейнианстве:

1. Действительный мир состоит из представителей этих категорий и ими исчерпывается (в аристотелианстве он понимается как совокупность первых сущностей, в витгенштейнианстве – как совокупность фактов).

2. Обеим категориям соответствует модальность контингентности.

3. С обеими категориями связывается тезис о «настоящем» и взаимно независимом существовании их представителей.

4. Представители обеих категорий являются партикуляриями.

Отмечено, что первые три пункта эвристически ценны и убедительны, однако четвертый вызывает вопрос, ведь понятие партикулярий как таковое принадлежит именно к аристотелианской онтологии. При этом важно, что в аристотелианстве оно фигурирует в рамках определенной категориальной системы и может быть адекватно понято лишь в ее контексте.

Эта система образуется двумя дихотомиями – *универсалии/партикулярии* и *субстанции/акциденции*. Под партикуляриями подразумеваются

⁴⁰ Black M. A Companion to Wittgenstein's 'Tractatus'. Ithaca (N. Y.), 1964. P. 27.

конкретные сущности (субстанциальные партикулярии) или контингентные признаки конкретных сущностей (акцидентальные партикулярии). Под универсалиями подразумеваются родо-видовые категории конкретных сущностей (субстанциальные универсалии) или их контингентных признаков (акцидентальные универсалии). Таким образом, различаются две категории признаков объектов: субстанциальные универсалии, понимаемые как необходимые (сущностные) признаки, и акцидентальные партикулярии, понимаемые как контингентные признаки – «то, что происходит» с объектами. При этом для объекта допускается лишь некоторый диапазон акциденций, определяемый его сущностью (субстанциальной универсалией).

В рамках аристотелианской онтологии естественным выглядит отождествление категории «событие» с категорией акцидентальных партикулярий. Эта трактовка декларируется в некоторых работах ⁴¹, хотя в некоторых других аристотелианских теориях категория событий вводится помимо категории акциденций ⁴².

Витгенштейнианская онтология фактов, выраженная в «Логико-философском трактате», иногда сближается или отождествляется с философией Б. Рассела (напр., Я. Хинтикой), однако существуют важные отличия между ними.

Рассел использует термины «партикулярия» и «универсалия», но по-иному, чем в аристотелианской онтологии. Под партикуляриями он подразумевает разновидность логических атомов (когнитивных элементов, являющихся предельными пунктами логического анализа), приводя как пример моментальные цветовые или звуковые явления ⁴³. Универсалиями он

⁴¹ Löwe E. J. Op. cit. P. 80–81.

⁴² См.: Smith B. Op. cit.

⁴³ Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. London; N. Y., 2010. P. 3.

называет другую разновидность логических атомов – свойства и отношения. Логические атомы трактуются Расселом двояко: и как элементы когнитивной активности субъекта, и как элементы действительности. Атомарные факты понимаются им как структуры, в которых партикулярии связаны с универсалиями, подобно тому как термы связаны с предикаторами в логическом синтаксисе.

Отмечено, что термин «событие» (англ. *event*) употребляется Расселом как эквивалент термина «партикулярия». Говоря о событиях как о единственном содержимом физической действительности (и называя традиционные понятия времени и пространства лишь абстракциями), Рассел характеризует их как элементы чувственных данных, понимаемые в реалистическом ключе ⁴⁴.

В философии Витгенштейна расселовским атомарным фактам соответствуют актуальные элементарные конфигурации объектов. По мнению Хинтикки, «объекты» Витгенштейна – то же, что «партикулярии» Рассела ⁴⁵. Думается, однако, что к витгенштейновским объектам относятся не только чувственные данные, но и когнитивные элементы иного рода, например – идея материальной точки. Стремление Рассела свести все подобные сущности к чувственным данным обусловлено его принадлежностью к традиции эмпиризма, однако утверждение о наличии подобного стремления у Витгенштейна было бы безосновательным ⁴⁶.

Декларативный, а не аргументативный строй «Трактата» можно объяснить тем, что его задачей является *описание* механизмов мышления и языка. В

⁴⁴ Ibid. P. 148.

⁴⁵ Хинтикка Я. О Витгенштейне. М., 2015. С. 27–28.

⁴⁶ Здесь можно солидаризироваться с позицией, выраженной в Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный, 1994. С. 37.

отличие от Рассела, Витгенштейн не отвергает понятие «субстанция», но использует его нетривиальным образом. По верному (хотя и неоднократно критиковавшемуся в литературе ⁴⁷) замечанию Вольневича, субстанцией в витгенштейнианстве являются объекты. Для подтверждения этого тезиса отмечены следующие аналогии между ними и аристотелианским субстратом: 1) выступают в качестве материала (для фактов); 2) независимы от событий ⁴⁸; 3) подобно субстанциальным универсалиям, они (и только они) определяют необходимые аспекты фактов ⁴⁹.

Важно, что в философии Витгенштейна ни факты, ни их конституэнты не рассматриваются как события (нем. *Ereignisse*). Витгенштейнианские факты – это лишь выражение событий средствами знаковой системы. При этом концепция «Трактата» подразумевает тотальность знаковой синтактики в мышлении и языке. Часто артикулируемый в ее адрес тезис об изоморфизме между фактическим и языковым можно понимать лишь как утверждение возможности отображения между различными знаковыми системами. План означаемого (события) обладает аспектами, которые не могут быть описаны с помощью знаковой системы. Например, физическая действительность не тождественна ее описанию с помощью символизма физики как науки. Однако, по внешне парадоксальной мысли Витгенштейна, на означаемое как таковое указывает именно то, в каких аспектах оно остается невыразимым с

⁴⁷ См.: *Ruf H. Wolniewicz on Wittgenstein and Aristotle // Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. IV. Dordrecht, 1969. P. 218–225. Суровцев В. А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск, 2001.*

⁴⁸ *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2017. С. 42. (Афоризм 2.024.)*

⁴⁹ Там же. С. 210. (Афоризм 6.37.)

помощью знаковой системы. Обратит внимание на эти аспекты можно при сравнении выразительных возможностей различных знаковых систем⁵⁰.

В подразделе **1.1.3** проанализированы тезисы Вольневича о семантическом аспекте усматриваемого им параллелизма между аристотелианской и витгенштейнианской онтологией, сформулированные в виде эскиза формализации основных положений этих онтологий. Показано, что, несмотря на эвристическую ценность работы польского философа, предлагаемый им эскиз формализации проблематичен с онтологической и семантической точек зрения.

В разделе **1.2** рассмотрены концепции и проблемы, относящиеся к онтологии событий как направлению аналитической философии.

В подразделе **1.2.1** указаны теоретические факторы, обусловившие развитие аналитической онтологии событий, и охарактеризованы релевантные аспекты философии Д. Дэвидсона, во многом сформировавшей очертания как онтологии событий, так и семантики событий.

Отмечено, что развитие онтологии событий как специальной области в аналитической философии связано с дискуссиями в сфере философии действия. По словам Г. Х. фон Вригта, интерес к действию вызвал потребность «в логике, которая изучает концептуальную структуру *динамического мира*»⁵¹.

Одной из определяющих стала книга Э. Анском⁵², где высказаны следующие идеи: 1) одно и то же физическое движение можно рассматривать

⁵⁰ Яркая иллюстрация этого тезиса – рассуждение от 6.12.14 из дневников Витгенштейна: *Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916*. М., 2015. С. 74–75. В этом ключе можно интерпретировать и некоторые известные афоризмы «Трактата».

⁵¹ *Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр.* М., 1986. С. 516.

⁵² См.: *Anscombe E.* Op. cit.

как намеренное (то есть действие) «под одним описанием» и ненамеренное под другим описанием; 2) Мотивы нельзя считать причинами действий, поскольку каузальные отношения носят характер подчинения закону (в естественно-научном смысле), а между мотивами и действиями отсутствует закономерная связь.

Дэвидсон распространяет идею о физических движениях «под описанием» на любые события, определяя действия как их подкласс. Дэвидсоновская концепция аномального монизма позволяет допустить субстанциальное единство ментальных и физических событий, при этом не требуя сведения описания в ментальных терминах к описанию в физических терминах⁵³. Аргументация, связанная с инференциальными отношениями между естественно-языковыми предложениями, подкрепляет эту философскую позицию.

Стремясь обосновать каузальную роль мотивов, Дэвидсон указывает, что естественно-научные законы – это абстракция, направленная на идеализированные ситуации (мыслительные конструкты), а конкретные ситуации неизмеримо сложнее. Говорить о номологических отношениях между мотивами и действиями действительно нельзя, однако это не значит, что между ними отсутствует каузальная связь⁵⁴.

В завершение подраздела рассмотрено соотношение концепции Дэвидсона, в которой важно понятие каузальности, с идеей Рассела о том, что это понятие является ненаучным и должно быть заменено представлением о

⁵³ См.: Davidson D. Mental Events // Davidson D. Essays on Actions and Events / 2nd ed. Oxford, 2001. P. 207–225.

⁵⁴ См.: Davidson D. Actions, Reasons, and Causes // Davidson D. Essays on Actions and Events / 2nd ed. Oxford, 2001. P. 3–19.

функциональной зависимости ⁵⁵, а также со схожими высказываниями Витгенштейна ⁵⁶. Отмечено, что, несмотря на кажущееся различие, позиция Дэвидсона близка к позиции Рассела и Витгенштейна.

В подразделе **1.2.2** рассмотрены альтернативные позиции в онтологии событий: партикуляризм (понимание событий как партикулярий) и универсализм (понимание событий как универсалий). Охарактеризовано значение этой проблемы с логико-семантической точки зрения.

Как отмечалось выше, категории «партикулярия» и «универсалия» восходят к аристотелианской онтологии, однако в последующей философии могут трактоваться в ином ключе. В аналитической философии универсалии принято определять как сущности, способные «рекуррировать» (англ. *to recur*), то есть воплощаться в различных конкретных сущностях – партикуляриях ⁵⁷. В разряд универсалий часто включают любые свойства и отношения (без разграничения родо-видовых категорий и контингентных признаков, принятого в аристотелианской онтологии).

Концепция Дэвидсона – известный (но отнюдь не единственный) пример партикуляризма ⁵⁸. Эта онтологическая позиция служит основанием для дэвидсоновской семантики событий. Она позволяет обосновать квантификацию над событиями как индивидами в рамках первопорядковой логики предикатов. События понимаются в ней как экстенциональные

⁵⁵ См.: *Russell B.* On the Notion of Cause // *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series.* 1912–1913. Vol. 13. P. 1–26.

⁵⁶ Напр.: «Суеверие есть вера в причинную связь» (*Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2017. С. 126. Афоризм 5.1361). Уместно сказать, что Энском – ученица Витгенштейна.

⁵⁷ См.: *Staniland H.* Universals. London, 1972.

⁵⁸ См.: *Davidson D.* Events as Particulars // *Noûs.* 1970. Vol. 4. No. 1. P. 25–32. *Davidson D.* Eternal vs. Ephemeral Events // *Noûs.* 1971. Vol. 5. No. 4. P. 335–349.

сущности во внеязыковой действительности, могущие представать под разными описаниями.

Сторонниками трактовки событий как универсалий считаются Р. Монтегю и Р. Чизом⁵⁹. Монтегю определяет события как свойства темпоральных единиц – моментов или интервалов времени⁶⁰. Чизом на рубеже 1960-х – 1970-х гг. характеризует события как контингентные положения вещей. По его мысли, предложение «Джон гуляет» указывает на единственное событие, которое происходит неоднократно (рекурирует)⁶¹. Универсализм в отношении событий может пониматься как приписывание им интенциональной или языковой природы.

Универсализм в отношении событий позволяет в наиболее простых семантических решениях трактовать предложения о событиях как сообщения о принадлежности обычных индивидов ко множествам. В базовом подходе в традиции Монтегю предложение «Анна музицирует», которое можно прочитывать как сообщение о событии⁶², трактуется как $a \in M$, где a – Анна, $M = \{x: x \text{ музицирует}\}$ ⁶³. События оказываются неотличимы от родо-видовых категорий, к которым принадлежат индивиды. В более разработанных подходах для передачи аспектуальных значений глагола в модельную

⁵⁹ Монтегю и Чизому не свойственно использование термина «универсалия», однако так их позиция характеризуется в последующих работах: Brandl J. L. Op. cit. Pianesi F., Varzi A. Events and Event Talk // Speaking of Events. Oxford, 2000. P. 3–48. Й. Брандл также предлагает свою версию универсализма.

⁶⁰ См.: Montague R. Op. cit.

⁶¹ См.: Chisholm R. Events and Propositions // Noûs. 1970. Vol. 4. No. 1. P. 15–24. Однако в более поздних работах Чизом определяет события как «контингентные состояния контингентных вещей», см.: Chisholm R. Events Without Times: An Essay On Ontology // Noûs. 1990. Vol. 24. No. 3. P. 417.

⁶² В другом прочтении это сообщение о диспозиции (см. ниже).

⁶³ См. анализ подобного предложения в Герасимова И. А. Формальная грамматика и интенциональная логика. М., 2000. 156 с. С. 17.

структуру могут включаться темпоральные единицы как индивиды и возможные миры.

Выбор партикуляризма позволяет включить в модельную структуру события как индивиды вместо темпоральных единиц. Существует мнение, что преимущество этого решения состоит в возможности репрезентации каузальности, которая в ряде языков представлена грамматикализированным образом⁶⁴.

С другой стороны, некоторые естественно-языковые предложения представляют видимую проблему для партикуляризма, например: «Иванов купил леопарда, и Кузнецов сделал то же»⁶⁵. Кажется, что речь здесь идет о рекурирующем событии. Для прояснения этой проблемы в настоящей диссертации указано на асимметрию между партикуляризмом и универсализмом: понимание событий как партикулярий предполагает, что существуют и соответствующие «универсалии» (типы событий), а универсализм означает отнесение событий к сфере универсалий без выделения соответствующей категории партикулярий.

В подразделе **1.2.3** рассмотрена проблема индивидуации событий (установления критериев их тождества и различия). Этот вопрос особенно важен при построении семантических теорий, основанных на понимании событий как партикулярий. В аналитической онтологии событий наиболее известны позиции по этому поводу У. Куайна, Д. Дэвидсона и Дж. Кима.

⁶⁴ См.: Татевосов С. Г. Семантика события как эмпирическая проблема // *Философия языка и формальная семантика*. М., 2013. С. 9–42.

⁶⁵ Ср. со схожими примерами и их анализом в *Davidson D. Events as Particulars // Noûs*. 1970. Vol. 4. No. 1. P. 28–29.

Согласно критерию Куайна, событие (как и материальное тело) – это содержимое некоторой пространственно-временной области, и тождество событий сводится к тождеству пространственно-временных областей ⁶⁶.

Возражая против критерия Куайна, Дэвидсон в качестве контрпримера приводит металлический шар, одновременно вращающийся и нагревающийся. По его мысли, в этом примере в одной и той же пространственно-временной области происходят два различных события (вращение шара и нагревание шара) ⁶⁷.

Согласно критерию, предложенному Дэвидсоном в конце 1960-х гг., события тождественны, если и только если в точности тождественны их причины и следствия ⁶⁸. Однако в дальнейшем Дэвидсон признал этот критерий несостоятельным, приняв критику Куайна, указавшего на порочный круг: под причинами и следствиями события e_1 подразумеваются события e_2, \dots, e_n , которые сами нуждаются в индивидуации. Стоит отметить, что возникновение этого порочного круга связано с пониманием каузальности как отношения между событиями.

Согласно Киму, событие – это воплощение некоторого признака в некотором субстрате в некоторое время. По его критерию, события тождественны, если и только если соблюдаются три условия:

- 1) тождествен их субстрат (объект или упорядоченная n -ка объектов);
- 2) тождествен признак, который воплощается в этом субстрате;

⁶⁶ Quine W. V. Word and Object / The New Edition. Cambridge (Mass.), 2013. P. 156.

⁶⁷ Davidson D. The Individuation of Events // Essays in Honor of Carl G. Hempel: A Tribute on the Occasion of his Sixty-Fifth Birthday. Dordrecht, 1969. P. 230–231.

⁶⁸ Ibid. P. 231.

3) тождественно время, в которое происходит воплощение этого признака в этом субстрате ⁶⁹.

В случае шара, одновременно вращающегося и нагревающегося, по этому критерию имеют место два события: их субстрат и время тождественны, но воплощаемые признаки различаются.

Отмечено, что этот критерий также проблематичен. Для его применения необходим еще один критерий, позволяющий индивидуировать свойства. При этом, по всей видимости, требуется отграничивать случаи различия свойств от случаев, когда различаются лишь языковые формулировки. Два других аспекта (субстрат и время) также нуждаются в критериях индивидуации.

Критерии Куайна и Дэвидсона можно назвать экстенциональными, а критерий Кима – интенциональным, поскольку в нем говорится о тождестве свойств, которые в философской логике принято считать интенциональными сущностями.

С учетом трудностей этих наиболее известных подходов к индивидуации событий можно констатировать, что данная проблема на сегодняшний день не получила удовлетворительного решения или такое решение не стало общепризнанным. Думается, что это обусловлено недостаточной проясненностью самой категории «событие» и ее связей с другими категориями, а также вариативностью обращения с нею в различных онтологических и семантических концепциях.

⁶⁹ См.: *Kim J. On the Psycho-Physical Identity Theory // American Philosophical Quarterly. 1966. Vol. 3. No. 3. P. 231. Kim J. Events as Property Exemplifications // Action Theory. Dordrecht, 1976. P. 160–161.*

Так, для одних философов (напр., Д. Дэвидсона, Дж. Беннета ⁷⁰, К. Клилэнд ⁷¹) событие – это обязательно некоторое *изменение*. Другие философы (напр., У. Куайн и Дж. Ким) не связывают содержание категории «событие» с изменениями. Еще один аспект расхождения или неясности позиций – контингентность события. Одни философы считают контингентность сущностным признаком события (напр., Р. Чизом и Д. Льюис ⁷²), другие не делают акцента на этом аспекте.

Высказана точка зрения, что изменение и контингентность являются необходимыми аспектами содержания категории «событие». Однако трудности предложенных ранее подходов показывают, что нужно более точно определить характер этих аспектов: что именно изменяется, когда происходит событие, и что означает тезис о контингентности события.

В подразделе **1.2.4** систематизированы и оценены различные позиции по поводу онтологического статуса категории «событие». Выделены следующие позиции:

1. *Событийный монизм*: тезис о том, что действительность на фундаментальном уровне состоит только из событий и наиболее адекватно описывается с помощью категории «событие». Эта позиция в литературе иногда обозначается термином *эвентизм* ⁷³.

⁷⁰ См.: Bennett J. Events and Their Names. Oxford, 1988. x + 248 p.

⁷¹ См.: Cleland C. On the Individuation of Events // Synthese. 1991. Vol. 86. P. 229–254.

⁷² См.: Lewis D. K. Philosophical Papers. Vol. II. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1986. xii + 265. P. 243.

⁷³ См., напр.: Augustynek Z. Eventism and Pointism // Logic & Logical Philosophy. 1993. Vol. 1. P. 157–169. Maxwell N. Special Relativity, Time, Probabilism and Ultimate Reality // Philosophy and Foundations of Physics. Vol. 1. The Ontology of Spacetime. Amsterdam, 2006. P. 229–245.

2. *Событийный плюрализм*: признание категории «событие» одной из большего числа категорий, каждая из которых равно необходима для адекватного описания действительности.
3. *Редукционизм в отношении событий*: тезис о том, что категория «событие» может быть использована в истинных предложениях, описывающих действительность, однако возможно более точное или экономичное описание действительности без использования этой категории.
4. *Элиминативизм в отношении событий*: тезис о том, что любые предложения, в которых используется категория «событие», являются ложными.

Примерами событийного монизма и событийного плюрализма являются соответственно позиция Б. Рассела и позиция Д. Дэвидсона, рассмотренные выше. Ряд описанных выше взглядов на события и критерии их индивидуации, по всей видимости, представляют собой редукционизм в отношении событий (напр., подходы У. Куайна и Дж. Кима).

Примером элиминативизма в отношении событий считается ⁷⁴ позиция Т. Хоргана, выступившего с тезисом о том, что категория событий, понятых как партикулярии, излишня в онтологии ⁷⁵. В подразделе осуществлен анализ его аргументации и сделан вывод о необоснованности данного тезиса. Основная стратегия аргументации Хоргана состоит в том, чтобы вместо постулирования событий в семантике использовать сентенциальные связки, соединяющие предложения, внутренняя логическая форма которых остается

⁷⁴ См.: Goswick D., Daniels P. R. The Philosophy of Events // Oxford Bibliographies. Edition: 28 February 2017. Режим доступа: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780195396577/obo-9780195396577-0335.xml>.

⁷⁵ См.: Horgan T. The Case Against Events // The Philosophical Review. 1978. Vol. 87. No. 1. P. 28–47.

непроясненной. Однако в таком случае остаются непроясненными и факторы истинности этих предложений, а значит, не возникает реальной альтернативы для семантики событий.

Относительно представленных выше редукционистских подходов к категории «событие» высказана точка зрения, что ни в одном из них условия истинности предложений о событиях не удастся исчерпывающе передать посредством других категорий. Признаком этого являются возникающие в них трудности.

При характеристике событийного монизма указано, что эта позиция может быть понята двумя разными способами:

1. Событие является полностью индифферентной категорией.
2. Событие понимается не индифферентно, а с некоторой содержательной спецификой. Тезис о том, что все есть событие, может пониматься как утверждение о том, что все явления контингентны, не существует ничего необходимого и закономерного (не считая тех необходимостей и закономерностей, которые приносятся мышлением и языком).

Отмечено, что и в том и в другом случае событийный монизм не сулит перспектив для логико-семантического анализа естественных языков.

Таким образом, существуют основания считать, что событийный плюрализм – позиция, наиболее приемлемая для построения логико-семантических моделей естественных языков.

В подразделе **1.2.5** рассмотрены философские взгляды на соотношение между событием и временем, а также модельные структуры, направленные на формализацию альтернативы темпоральных единиц и событий.

Многие философы разделяют мнение о том, что время вторично по отношению к событиям (изменениям). Так, Г. Х. фон Вригт поддерживает эту точку зрения, возводя ее к Аристотелю и Августину, а в качестве альтернативы

указывает позицию Канта. Последний говорит о «субъективном времени» как «чистой длительности», независимой от изменений. Однако Кант говорит также об «объективном времени» как порядке событий, определяемом причинно-следственными отношениями (каузальная теория времени) ⁷⁶.

С другой стороны, определение изменения обычно дается в терминах времени. Иногда такое определение называют «кембриджским критерием». Согласно его формулировке П. Гичем, «Вещь, именуемая 'x', изменилась, если 'F(x) во время t' истинно и 'F(x) во время t¹' ложно для некоторых интерпретаций 'F', 't' и 't¹'» ⁷⁷.

В ряде рассмотренных выше подходов темпоральность предстает более фундаментальной, чем событие. Это объединяет, например, подходы Куайна, Монтегю, Кима. С другой стороны, Дэвидсон считает первичными события, а время – абстракцией, производной от них. Отстаиваемую им характеристику событий как партикулярий (без строгого определения) можно рассматривать как выражение этой позиции.

Трактовка событий как партикулярий отвергается А. Прайором, по словам которого, «события – лишь квазисубъекты» ⁷⁸. С учетом этого можно считать логику временных модальностей Прайора альтернативой семантики событий. Эта альтернатива имеет не только логический, но и онтологический аспект.

Ряд исследователей (Х. Камп, Й. ван Бентем, Ф. Ландман, М. ван Ламбалген и Ф. Хамм ⁷⁹) строят модельные структуры на основе категории «событие»,

⁷⁶ Вригт Г. Х. фон. Указ. соч. С. 524–525.

⁷⁷ Geach P. God and the Soul. London, 1969. P. 71–72.

⁷⁸ Prior A. N. Past, Present and Future. Oxford, 1967. P. 18.

⁷⁹ См.: *Kamp H. Events, Instants and Temporal Reference // Semantics from Different Points of View. Berlin, 1979. P. 376–417. van Benthem J. The Logic of Time. Dordrecht, 1983. Landman F. Structures for Semantics. Dordrecht, 1991. van Lambalgen M., Hamm F. The Proper Treatment of Events. Malden (Mass.), 2005.*

сравнивая их свойства со свойствами структур на основе темпоральных единиц (моментов или периодов времени). Эта линия исследований тесно связана с убеждением в онтологическом приоритете событий и может рассматриваться как продолжение проекта Рассела. В подразделе рассмотрены онтологические аспекты и формальные средства этого направления. Отмечены следующие спорные аспекты структур на основе категории «событие»:

1. Сомнительно, что в них действительно осуществляется отказ от первичности темпоральных категорий, поскольку в основе этих структур лежит постулирование темпоральных отношений между событиями. Декларируемый механизм порождения времени событиями остается непроясненным.

2. Не вполне ясно содержание категории «событие», подразумеваемое при концептуализации этих структур. По всей видимости, под событиями подразумевается пропозициональное содержание любых предложений, оцениваемых как истинные. Главное отличие между структурами на основе темпоральных единиц и на основе категории «событие» тогда состоит в том, что если в первых предложения квалифицируются как истинные относительно времен, то во второй эта параметризация отсутствует, а вместо нее постулируются темпоральные отношения между пропозициями. В этом можно усмотреть категориальную ошибку.

Описанный в этом подразделе проект семантики событий не равнозначен дэвидсоновской семантике, в которой события рассматриваются как сорт индивидов. По словам Ландмана, «главная причина, почему семантика интервалов и событий (в любой форме) так трудна, состоит именно в том

факте, что мы *хотим* делать с ними большее, чем с индивидами»⁸⁰. Однако в более поздней работе Ландман обращается к дэвидсоновской семантике событий при исследовании естественно-языковых явлений⁸¹.

В разделе **1.3** проанализировано соотношение категории «событие» с другими динамическими категориями. Рассмотрен ряд философских и лингвистических проблем и концепций, релевантных этому вопросу.

Подраздел **1.3.1** посвящен лингвистическим и философским типологиям семантики глагольных конструкций в естественных языках.

Описаны релевантные результаты, полученные в лингвистических исследованиях в области аспектологии. Представлены основные тезисы аспектологической теории русского языка Ю. С. Маслова⁸², эксплицирована подразумеваемая в ней категориальная сетка. Также рассмотрен подход, сформулированный в книге А. А. Зализняк, И. Л. Микаэлян и А. Д. Шмелева⁸³, где содержание семантических категорий «состояние», «событие» и «процесс» характеризуется следующим образом:

- состояние – положение дел, сохраняющееся неизменным в течение некоторого времени;
- событие – смена одного состояния другим;
- процесс – развертывающаяся во времени смена фаз, которая, в отличие от события, не предполагает возникновения нового состояния.

Авторы считают, что этот понятийный каркас свойствен различным естественным языкам, что показывает его объективную значимость.

⁸⁰ Landman F. Op. cit. P. 199.

⁸¹ См.: Landman F. Events and Plurality. Dordrecht, 2000.

⁸² См.: Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

⁸³ См.: Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.

Предлагаемый ими подход представляется в целом адекватным, но нуждается в отдельных уточнениях. Во-первых, требуется уточнить содержание категории «событие» (см. раздел 1.4 настоящей работы). Во-вторых, возможное значение глагольных конструкций не исчерпывается перечисленными категориями: необходимо выделять также категорию «диспозиция».

Семантические типологии глагольных конструкций естественных языков предлагаются также в рамках аналитической философии. Формирование этого направления связано с деятельностью оксфордской школы философии обыденного языка, представители которой активно обращаются к аристотелианству как теоретическому базису.

Г. Райл указал на необходимость разграничения категорий «событие» и «расположенность» (англ. *disposition*)⁸⁴. Можно проиллюстрировать ее на примере предложения «Вода кипит при 100 °С»:

- в одном прочтении оно указывает на конкретную ситуацию, в которой вода обладает температурой 100 °С и находится в кипящем состоянии. Это прочтение ложно, если произносится по поводу замерзшей воды.
- В другом прочтении оно указывает на то, что вода обладает некоторой диспозицией: кипит при условии достижения температуры 100 °С. Это прочтение истинно, даже если такой ситуации никогда не возникает (например, на планете, где температура всегда ниже 0 °С).

3. Вендлер предложил семантическую типологию глагольных конструкций, которая во многом определила последующие подходы. В ней выделяются типы «состояние» (англ. *state*), «активность» (англ. *activity*), «свершение»

⁸⁴ Райл Г. Понятие сознания. М., 1999. С. 122.

(англ. *accomplishment*) и «достижение» (англ. *achievement*)⁸⁵. Критерии Вендлера ориентированы на английский язык, однако впоследствии была продемонстрирована применимость этой типологии (в исходном виде или с дополнениями) к другим языкам, напр. русскому⁸⁶ и китайскому⁸⁷.

Э. Кенни практически одновременно с Вендлером предложил несколько иной подход с выделением трех типов. Однако в последующей литературе зачастую говорится о единой типологии Вендлера – Кенни. Так, А. Мурелатос в работе конца 1970-х гг. высказывает мнение о том, что эти типологии аналогичны с той поправкой, что Кенни выделяет лишь один тип вместо типов «свершение» и «достижение» у Вендлера. Мурелатос также придерживается трихотомии типов: *состояние – процесс – событие*⁸⁸. В более поздней литературе, в том числе по неодэвидсоновской семантике, эта типология практически общепринята.

Более разветвленная типология предложена лингвистом Э. Бахом в начале 1980-х гг. Как наиболее общий родовой термин в ней используется неологизм «эвентуальности» (англ. *eventualities*)⁸⁹, получивший впоследствии достаточно широкое употребление. Существуют и другие типологии.

Отмечено, что преумножение подобных концепций сопровождалось утратой некоторых аспектов содержания по сравнению с теорией Вендлера, где предлагается интересный взгляд на событие («достижение») как категорию, для которой темпоральность нерелевантна.

⁸⁵ См.: *Vendler Z.* Op. cit. Перевод терминов Вендлера на русский язык варьируется.

⁸⁶ См.: *Мелиг Х. Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 227–249.

⁸⁷ См.: *Peck J., Lin J., Sun Ch.* Aspectual Classification of Mandarin Chinese Verbs: A Perspective of Scale Structure // *Language and Linguistics*. 2013. 4(4). P. 663–700.

⁸⁸ См.: *Mourelatos A. P. D.* Op. cit.

⁸⁹ См.: *Bach E.* Op. cit.

В подразделе **1.3.2** охарактеризованы современные концепции процессуальной онтологии. Это направление широко представлено в современной литературе – как зарубежной, так и отечественной. Если говорить лишь о работах двух последних десятилетий, то в качестве его сторонников можно назвать Дж. Дюпре, Й. Зайбт, Д. Николсона, Н. Решера, П. Саймонса, А. В. Смирнова, В. К. Солондаева, В. И. Шалака. Для их работ характерно противопоставление философии процесса и аристотелианства. Как правило, процессуалисты считают, что аристотелианская онтология основывается на абсолютизации твердых физических тел среднего размера, наблюдаемых человеком в повседневной жизни, а результатом этой абсолютизации является понятие субстанции. К образцам субстанциальной онтологии они относят также атомизм и ряд других классических философских концепций. Как первый представитель процессуализма обычно упоминается Гераклит Эфесский, а начало современного движения философии процесса связывается с именами У. Джеймса, А. Бергсона и А. Уайтхеда. Среди значимых философов XX в., причастных к этому направлению, можно упомянуть также К. Поппера и У. Селларса. Для процессуалистов характерен тезис о том, что их философия соответствует современной научной картине мира. По их мнению, теория относительности приводит ко взгляду на физические объекты как четырехмерные сущности, а квантовая механика открывает фундаментально процессуальный уровень реальности, на котором нет устойчивых объектов.

В подразделе **1.3.3** представлен круг идей в современной философии, который можно обозначить словосочетанием «четырехмерная онтология» (использовав расширительно термин, могущий иметь более узкое значение).

В частности, рассмотрены онтологические концепции, основанные на категориях «континуант» и «оккурент». Категорию «континуант» ввел в

начале XX в. У. Э. Джонсон, определив как «то, что продолжает существовать, когда его состояния или отношения меняются»⁹⁰. Таким образом, термин «континуант» употребляется аналогично термину «субстанция». В качестве антитезы Джонсон заимствовал из средневековой философии термин «оккурент», подразумевая под этим явления, развертывающиеся в опыте, указание субстанции для которых нерелевантно или неочевидно (например, вспышка молнии).

В дальнейшем термин «оккурент» начал использоваться как родовой для состояний, процессов и событий. Например, так его использует П. Саймонс. В его концепции континуант понимается как инвариант пространственно-временных фаз оккурента, результат когнитивной операции, являющейся видом абстрагирования⁹¹.

Также рассмотрена дискуссия между сторонниками эндурантизма и пердурантизма в современной философии. Эндурантизм – тезис о правомерности выделения в реальности эндурантов, или «трехмерных объектов», сохраняющих самотождественность с ходом времени. Пердурантизм – тезис о том, что в силу принципа неразличимости тождественных следует признать невозможным существование эндурантов, а в качестве их альтернативы выделять пердуранты («четырёхмерные объекты»). Последние обычно понимаются как совокупность пространственно-временных фаз, между которыми имеет место некое связывающее отношение.

В подразделе **1.3.4** на основе двух предыдущих подразделов сделан вывод, что термин «процесс» по-разному употребляется в различных версиях

⁹⁰ Johnson W. E. *Logic. Part 1.* Cambridge, 1921. P. 199.

⁹¹ См.: Simons P. *Processes and Precipitates // Everything Flows: Towards a Processual Philosophy of Biology.* Oxford, 2018. P. 49–60.

философии процесса и «четырехмерной онтологии». Различия относятся к нескольким аспектам, но в целом их диапазон можно обозначить, указав в качестве полярных сильную и слабую версии категории «процесс». В сильной версии процесс – это развертывающаяся во времени сущность, которой присуща внутренняя вариативность или даже организация (напр., по Решеру). В слабой версии процесс – это содержимое некоторой пространственно-временной области (в том числе моментальных пространственных «срезов»), необязательно варьирующихся во времени (напр., по Куайну).

Обе версии уязвимы для критики. В сильной, при декларируемом отказе от понятия субстанции, можно усмотреть черты субстанциальной онтологии⁹². Что касается слабой версии, то она отличается от обыденного понимания процесса существенным обеднением содержания и представляет сомнительную ценность для описания и объяснения реальности.

В разделе **1.4** предложена авторская концепция события как онтологической категории.

Вопреки обычному представлению, категорию «событие» нельзя рассматривать как рядоположенную с категориями «ситуация», «состояние», «процесс». Если состояния и процессы – это то, что происходит с объектами, то события – это то, что происходит с состояниями и процессами (хотя способ высказывания, заложенный в естественном языке, позволяет говорить о событиях как о том, что происходит с объектами).

Важный и обычно игнорируемый в аналитической философии аспект данности событий состоит в их релятивизированности относительно когнитивных агентов (что фиксируется такими фразами, как «Это стало событием для меня»). Говоря более точно, события релятивизированы

⁹² См.: *Austin C. J. Organisms, Activity, and Being: on the Substance of Process Ontology // European Journal for Philosophy of Science. 2020. 10. Article no. 13.*

относительно номологических схем описания и предсказания действительности, однако последние не существуют без агентов, которые их придерживаются. Тем не менее номологические схемы обычно атрибутируются самой действительности (как естественные закономерности и т. д.), что зачастую приводит к утрате чувствительности к этому аспекту.

Событие (в слабом смысле) определено как возникновение ситуации, не рассматриваемой в качестве необходимой в рамках номологической схемы, которой придерживается агент. Событие (в сильном смысле) охарактеризовано как смена диахронической ситуации (развертывания взаимосвязанных ситуаций, предполагаемых агентом).

Этот подход эксплицирует естественно-языковые интуиции, связанные с понятием «событие». Так, в обыденном дискурсе не принято называть событием регулярные и «заранее известные» явления, например *восход Солнца*. Эта интуиция фиксируется приведенной выше характеристикой категории «событие» в сильном смысле. Тем не менее *восход Солнца* относится к числу явлений, о которых возможно допустить, что они не наступят вопреки основанным на регулярности ожиданиям, что позволяет назвать *восход Солнца* событием в слабом смысле.

Сформулированная точка зрения позволяет ответить на поставленные выше вопросы: *что изменяется*, когда происходят события, и в каком смысле события *контингентны*.

Предложенная онтология событий сочетается с различными метафизическими рамками, но по-разному осмысливается в их контексте. Принятие индетерминизма или ограниченного детерминизма придает ей объективное содержание. Принятие детерминизма лишает ее такового: для «лапласова демона» событий не существует, поскольку все прошлые и

будущие ситуации с определенностью даны ему как уже состоявшиеся⁹³. В последнем случае, однако, сохраняется эпистемическое содержание категории «событие» для реальных агентов, не являющихся «лапласовыми демонами».

Во **второй главе** рассмотрены онтологические и эпистемологические аспекты нефрегевской логики и ситуационной семантики. С использованием концептуального аппарата ситуационной семантики предложен авторский подход к решению проблемы «двойного видения».

Раздел **2.1** посвящен нефрегевской логике Р. Сушко.

В подразделе **2.1.1** указаны различные смыслы, вкладываемые в термин «нефрегевская логика» в литературе, и кратко охарактеризовано развитие исследований в этой сфере. В дальнейшем внимание сфокусировано на исходной версии нефрегевской логики, предложенной Р. Сушко.

Отмечено, что концепция Сушко обладает в первую очередь онтологической спецификой. В логическом аспекте его система базируется на классических логических принципах (в том числе принципе логической бивалентности). Новизна системы состоит в онтологическом содержании, привносимом в нее посредством онтологических определений и аксиом, отграничиваемых от логических.

В подразделе **2.1.2** представлен взгляд Сушко на витгенштейнианскую онтологию⁹⁴. Польский логик рассматривает свою систему как репрезентацию

⁹³ Точнее, детерминизм лапласова типа, очевидно, предполагает существование лишь одного события – того, что определило «изначальную» конфигурацию всех элементов действительности, с последующим предзаданным развитием ситуации. Это можно рассматривать как аргумент против подобной метафизики, показывающий наличие в ней бесосновательной тенденциозности (отвергается существование любых событий, кроме одного изначального).

⁹⁴ См.: *Suszko R. Ontology in the "Tractatus" of L. Wittgenstein // Notre Dame Journal of Formal Logic. 1968. Vol. IX. No. 1. P. 7–33.*

онтологии «Логико-философского трактата», интерпретация которого для него опосредуется Вольневичем. Он разграничивает два раздела онтологии «Трактата», называя их *s*-онтологией и *o*-онтологией. По мысли Сушко, первая посвящена ситуациям, а вторая – объектам, причем и те и другие рассматриваются независимо от времени и места. По его словам, понятия положения вещей и конфигурации объектов связывают ту и другую части воедино.

В подразделе **2.1.3** рассмотрен вопрос о возможности и смысле квантификации над пропозициональными (сентенциальными) переменными⁹⁵.

Обращение к этому вопросу связано с тем значением, которое придает ему Сушко. Стремясь продемонстрировать различие между *o*-онтологией и *s*-онтологией, он приводит следующий пример:

(2.1.3.1) *Некоторые ситуации не являются фактами.*

(2.1.3.2) *Некоторые философы не являются логиками.*

По его мысли, эти фразы аналогичны по грамматической форме, но кардинально различны по содержанию: выражения «философ» и «логик» – одноместные предикаторы; выражения «ситуация» и «факт» – не предикаторы, а одноместные сентенциальные операторы, подобные негации. Для того чтобы показать это, он сопоставляет предложениям (2.1.3.1) и (2.1.3.2) логические формы (2.1.3.3) и (2.1.3.4) соответственно:

(2.1.3.3) $\exists p[S(p) \wedge \neg F(p)],$

(2.1.3.4) $\exists x[P(x) \wedge \neg L(x)]$ ⁹⁶,

⁹⁵ В настоящей работе термины «пропозициональный» и «сентенциальный» применительно к переменным и операторам используются как взаимозаменяемые.

⁹⁶ Здесь и далее нотация адаптирована.

где p – сентенциальная переменная, x – номинальная (именная) переменная, S и F – одноместные сентенциальные операторы, P и L – одноместные предикаторы.

Используемая Сушко квантификация над сентенциальными переменными кажется отступлением от стандарта логической семантики, воплощенного в классической логике высказываний. Впрочем, его система – не единственный пример исследования такой квантификации. Помимо упомянутой им прототетики Лесневского, можно назвать работы К. Файна, Р. Булла, Д. Габбая, Д. Каплана⁹⁷.

Указано, что в действительности такая квантификация не является особенностью лишь некоторых специфичных систем. Универсальная квантификация всех пропозициональных переменных негласно предполагается при содержательной трактовке законов классической логики высказываний. Последние являются метавысказываниями о высказываниях (обозначаемых пропозициональными переменными).

С учетом этого тему квантификации над пропозициональными переменными можно свести к двум вопросам:

1. Существуют ли метавысказывания, которые выполняются лишь при экзистенциальной квантификации некоторых из входящих в них пропозициональных переменных?

2. Если да, то о каких *логически (или онтологически) интересных признаках высказываний* идет речь в таких метавысказываниях?

⁹⁷ См.: *Файн К.* Пропозициональные кванторы в модальной логике // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981. С. 212–222. См. также литературу, указанную в этой работе.

На первый вопрос нетрудно дать утвердительный ответ, приведя следующий пример: «Некоторые высказывания содержатся в статьях Сушко». Таким образом, значимостью обладает именно второй вопрос.

Можно констатировать, что позиция Сушко позволяет ответить на этот вопрос утвердительно, сформулировав следующие примеры: 1) «Некоторые высказывания обозначают ситуации, которые являются фактами и при этом не тождественны друг другу»; 2) «Некоторые высказывания обозначают ситуации, которые не являются фактами и при этом не тождественны друг другу».

В подразделе **2.1.4** описано содержание категорий «ситуация» и «факт» в системе Сушко. Под *ситуацией* он подразумевает любую конфигурацию объектов, независимо от ее реализованности. Реализованную ситуацию (соответствующую истинному предложению) Сушко именует *позитивным фактом*, или просто *фактом*, а нереализованную ситуацию (соответствующую ложному предложению) – *негативным фактом*. При этом он рассматривает термины «ситуация», «(позитивный) факт» и «негативный факт» как сентенциальные операторы, а не предикаторы.

В подразделе **2.1.5** охарактеризованы особенности «языков типа *W*», используемых Сушко. Так, язык \mathcal{L}_0 , предназначенный для репрезентации витгенштейнианской онтологии, обладает следующими особенностями:

1. Кванторы существования и всеобщности применяются в нем не только к номинальным, но и к сентенциальным переменным.

2. В нем есть двухместный предикатор тождества, применяемый к именным выражениям, и двухместная связка тождества, применяемая к предложениям. Последняя трактуется не как логическая эквиваленция, а как указание на тождество ситуаций, которые являются (по Сушко) референтами предложений.

В подразделе **2.1.6** рассмотрено проводимое Сушко разграничение логического и онтологического аспекта его системы. Перечислены используемые в нефрегевской логике правила вывода.

В подразделе **2.1.7** представлены определения, аксиомы и схемы аксиом для тождества объектов и ситуаций (кореференциальности именных выражений и предложений) в системе Сушко.

В подразделе **2.1.8** охарактеризовано понятие *онтологической бивалентности*, которое Сушко выражает с помощью формулы (*):

$$(*) \quad p \equiv q \supset p = q,$$

где p и q – сентенциальные (пропозициональные) переменные, \equiv и \supset – символы для классических эквиваленции и импликации соответственно, а $=$ – символ для введенной Сушко связки «нефрегевского тождества» (кореференциальности) предложений.

По мысли Сушко, формула (*), принимаемая во фрегевской логической семантике и отвергаемая в его системе, означает следующее:

1. Существуют ровно две ситуации.
2. Существует ровно один (позитивный) факт.
3. Существует ровно один негативный факт.
4. В силу этого квантификация над пропозициональными переменными не может играть существенной роли.

Сушко выступает с критикой онтологической двузначности, но не логической. Напротив, он убежден в адекватности классической двузначной логики.

По его мнению, логику L_3 Лукасевича корректно было бы трактовать как систему, где в качестве референтов предложений рассматриваются только три

ситуации⁹⁸. Он полагает, что понятие возможности не имеет никакого отношения ни к логическим значениям, ни к референции.

В подразделе **2.1.9** охарактеризовано использование в системе Сушко модальных операторов возможности и необходимости, представлены относящиеся к ним аксиомы и теоремы.

В подразделе **2.1.10** описана булева алгебра ситуаций в системе Сушко, основывающаяся на отношении включения между ситуациями. Последнее выражается записью « $pE q$ », прочитываемой «Ситуация q включена в ситуацию p », «Ситуация p влечет ситуацию q » или «Ситуация q имеет место в ситуации p » (эти утверждения рассматриваются как равнозначные).

По уместному замечанию Сушко, характеристика « p включает q » в этом словоупотреблении соответствует обратной характеристике « p включено в q » в той теоретико-множественной ипостаси, к которой сводятся отношения между ситуациями в булевой алгебре ситуаций.

В связи с этим отмечено, что для включения не по объему, а по смыслу терминов направленность именно такая, какая выражается фразой «Ситуация q включена в ситуацию p ». Это позволяет предположить, что за отношением включения между ситуациями стоит отношение смыслового включения понятий. Судя по всему, Сушко отказался бы от такой трактовки своей концепции, как и от понимания ее в качестве модальной или интенциональной логики. Характерно, однако, что в работах В. Л. Васюкова, по-своему продолжающего линию Сушко, предпринимается попытка построения «не-не-фрегевской» логики смысла⁹⁹.

⁹⁸ *Suszko R. The Fregean Axiom and Polish Mathematical Logic in the 1920s // Studia Logica. 1977. 36 (4). P. 379.*

⁹⁹ *Васюков В. Л. Указ. соч.*

В подразделе **2.1.11** рассмотрено место понятий возможного мира и положения вещей в системе Сушко, а также сделаны итоговые замечания по интерпретации и оценке его проекта.

Нефреговская логика, с точки зрения Сушко, представляет собой четкую формулировку тех вопросов и ответов, которые рефлексированы, но менее успешно, в модальной логике. Отмечено, что нефреговская логика основывается на определенной метафизической позиции, которая реализуется и в некоторых системах модальной логики, но не в любых. Метафизика системы Сушко является индетерминистической. «Фреговская аксиома» (*) отвергается в ней как детерминистический постулат. При этом индетерминистическая метафизика рассматривается как совместимая с классической логикой. С этим убеждением связаны два важных тезиса, очевидно, принимаемых Сушко:

1. Фреге придерживается детерминистической метафизики, но использование классической логики необязательно связано с этой метафизической позицией.

2. Неклассические логические системы (например, трехзначная логика Лукасевича) несут метафизическое содержание, не имеющее отношения к собственно логике, которая может и должна оставаться классической.

К спорным моментам онтологии ситуаций Сушко можно отнести то, что само понятие ситуации оказывается в ней разработанным недостаточно. Для Сушко за любой сентенциальной формулой стоит некая ситуация. Оператор S («ситуация») применим к любой сентенциальной формуле и не влияет на ее значение. Не вполне ясен смысл операторов F («факт») и N («негативный факт»). Кажется, что N работает просто как негация, а F не выполняет никакой работы. Впрочем, можно предположить, что F используется подобно символу утверждения истинности мысли у Фреге. Однако тогда направление,

в котором движет логическую семантику Сушко, оказывается противоположным витгенштейновскому, ведь Витгенштейн считает этот символ излишним. Отличие от концепции Витгенштейна проявляется и в вопросе о том, являются ли фактами логические истины. Витгенштейн не считает их таковыми; этот важный аспект его позиции игнорируется в системе Сушко.

Раздел **2.2** посвящен теоретическим основаниям и проблемам ситуационной семантики.

В подразделе **2.2.1** дана общая характеристика ситуационной семантики. В широком смысле к ней можно причислить любые логико-семантические теории, в которых категория «ситуация» рассматривается как базовая или просто активно используется. В этом смысле к ней относятся нефреговская логика и теории, в которых под ситуациями подразумеваются «неполные миры». В более узком смысле ситуационная семантика – семейство подходов, вдохновленных идеями Б. Рассела и Дж. Остина, прежде всего – концепция Дж. Барвайса и Дж. Перри, а также семантика А. Кратцер.

В подразделе **2.2.2** рассмотрена теоретическая мотивация к построению ситуационной семантики Дж. Барвайсом в сотрудничестве с Дж. Перри. Одна из центральных задач этого проекта – корректный логико-семантический анализ предложений о восприятиях, в частности *NI*-предложений в английском языке. Специфику этого класса предложений показывает следующий пример:

(1.4.1.1) *Ralph saw a spy hide a letter under a rock*

(«Ральф видел шпионку, прятавшую письмо под камнем»).

(1.4.1.2) *Ralph saw that a spy hided a letter under a rock*

(«Ральф видел, что шпионка прятала письмо под камнем») ¹⁰⁰.

NI-предложение (1.4.1.1) означает, что Ральф наблюдал описанную ситуацию, однако не означает с обязательностью, что он сформировал для себя именно такое ее описание (возможно, он подумал, что шпионка завязывает шнурок). Предложение же (1.4.1.2) подразумевает, что он выработал по отношению к воспринятой ситуации ту пропозициональную установку, которая сформулирована.

По мысли Барвайса, это показывает проблематичность анализа предложений о восприятиях на основе традиционной семантики возможных миров, при котором любое восприятие трактуется как выработка определенной пропозициональной установки. В качестве решения видится построение ситуационной семантики. Под ситуациями подразумеваются фрагменты действительности, которые могут быть даны в восприятии когнитивному агенту. Это восприятие является аспектуальным и, как и сама ситуация, не сводится к определенному пропозициональному содержанию (описанию).

Подраздел **2.2.3** посвящен понятию поддержки предложения ситуацией и квантификации над ситуациями в семантике Барвайса и Перри. Согласно этой теории, для любого предложения φ существует некоторое множество поддерживающих его истинность ситуаций в мире M , которое можно обозначить $[[\varphi]]^M$. Если φ истинно, то $M \in [[\varphi]]^M$, в противном случае $M \notin [[\varphi]]^M$. *NI*-предложения о восприятиях формы « a видит φ » понимаются как утверждения о том, что в мире M , относительно которого осуществляется оценка истинности предложения, существует (хотя бы одна) ситуация s ,

¹⁰⁰ См.: *Barwise J. Scenes and Other Situations // The Journal of Philosophy. 1981. Vol. 78. No. 7. P. 369–397.*

которая зрительно воспринимается агентом a и поддерживает истинность предложения φ .

В подразделе **2.2.4** проанализировано соотношение между понятиями «ситуация» и «пропозиция», на разграничении которых основывается теория Барвайса и Перри.

Отмечена вариативность употребления термина «пропозиция», являющаяся причиной существенных трудностей как концептуального, так и технического характера. В некоторых концепциях под пропозициями подразумеваются конфигурации конститuentов экстенциональной или интенциональной природы (вокруг этой альтернативы идут дискуссии), в других они сводятся ко множествам возможных миров. Некоторые понимания пропозиций и ситуаций делают эти категории неотличимыми друг от друга, в других они различаются.

Для Барвайса и Перри важна идея о том, что субъект познания связан с реальностью двояким образом: во-первых, через физические каузальные отношения, а во-вторых, через язык. В соответствии с этим разграничиваются два понимания ситуаций: реальные ситуации и абстрактные ситуации. Под *реальными ситуациями* подразумеваются фрагменты или аспекты действительности как таковой, входящие в различные каузальные связи, в том числе с когнитивными агентами. Восприятие на доконцептуальном уровне можно считать одним из видов каузальных связей. *Абстрактные ситуации* определяются как конфигурации объектов, их свойств и отношений в пространственно-временных областях. Перечисленные конститuentы рассматриваются как продукты когнитивной/языковой активности агента.

Отмечено, что категория реальных ситуаций представляет собой абстракцию, ассоциирующуюся с такими понятиями, как кантовская «вещь-сама-по-себе» и аристотелевская *hyle*. По всей видимости, основной (или

единственный) способ включения категории реальных ситуаций в семантику – представленное выше понимание их как факторов истинности предложений и связанная с этим идея о квантификации над ними.

В подразделе **2.2.5** осуществлено сравнение концептуальных оснований традиционной семантики возможных миров и ситуационной семантики. Эксплицированы причины возникновения некоторых проблем семантики возможных миров.

В подразделе **2.2.6** рассмотрены дискуссии вокруг тезиса о том, что ситуация является референтом предложения. Эта позиция может казаться интуитивно убедительной, однако сталкивается с контраргументами, которые принято называть «аргументами пращи». Отмечено, что для их преодоления в ситуационной семантике необходимо решить следующие задачи: 1) найти критерий индивидуации ситуаций, который позволит избежать их слияния в одну «великую ситуацию»; 2) сформулировать такое отношение между ситуациями и предложениями, за счет которого предложение референциально «фокусируется» на определенной ситуации.

В подразделе **2.2.7** представлена теория А. Кратцер об экземплификации ситуаций предложениями, которую можно рассматривать как версию решения этих задач. Согласно ей, ситуация s экземплифицирует предложение p , если при наличии части ситуации s , относительно которой предложение p неистинно, ситуация s является «минимальной ситуацией», относительно которой предложение p истинно. Иначе говоря, ситуация s , экземплифицирующая предложение p , – это такая ситуация, которая обеспечивает истинность предложения p и в которой нет ничего, что бы не вносило вклад в истинность предложения p . Это условие выполняется в двух типах случаев:

1. Если предложение p истинно относительно любой подситуации ситуации s .

2. Если ситуация s является минимальной ситуацией, относительно которой истинно предложение p .

Минимальная ситуация ¹⁰¹ (истинности предложения p) в свою очередь характеризуется следующим образом:

1. Эта ситуация в целом обеспечивает истинность предложения p .

2. Ни одна из собственных (не тождественных целому) частей этой ситуации не обеспечивает истинности предложения p .

Для решения проблемы «подсчета сущностей» Кратцер обращается к мереотопологическим критериям, предложенным Р. Казати и А. Варци ¹⁰².

Отмечены спорные моменты теории Кратцер: 1) в ней можно усмотреть порочный круг; 2) представляется, что в силу содержательной специфики она применима лишь к ограниченному классу предложений; 3) несмотря на формальную направленность, она основывается на обыденных категориях.

В подразделе **2.2.8** проанализировано соотношение между категориями «ситуация» и «событие». В частности, приведено мнение Кратцер о том, что под событием следует понимать минимальную ситуацию. Отмечено, что отождествление событий с ситуациями (или минимальными ситуациями) некорректно из-за происходящей при этом потери содержания категории «событие».

¹⁰¹ Понятие введено в *Berman S. R. Situation-Based Semantics for Adverbs of Quantification // Studies in Semantics. Amherst, 1987. P. 46–68.*

¹⁰² *Casati R., Varzi A. Parts and Places. The Structures of Spatial Representation. Cambridge (Mass.), 1999.*

В разделе **2.3** показана возможность решения конкретной логико-семантической проблемы (проблемы «двойного видения») в рамках концептуального аппарата ситуационной семантики.

В подразделе **2.3.1** описана проблема «двойного видения», поставленная У. Куайном¹⁰³.

В подразделе **2.3.2** предложена типология известных подходов к решению этой проблемы. Одним из подходов является запрет на «квантификацию извне» при записи логической формы предложений с аскрипцией мнений. Подходы, не предполагающие такого запрета, разделены на два типа: 1) подходы с блокированием взаимозаменяемости переменных; 2) подходы с дифференциацией сортов переменных.

В подразделе **2.3.3** дана общая характеристика подходов с блокированием взаимозаменяемости переменных и рассмотрен их пример.

Подраздел **2.3.4** посвящен подходам с дифференциацией сортов переменных, которые можно назвать онтологически-ориентированными.

В пункте **2.3.4.1** предложена их общая характеристика. Если подходы предыдущего типа направлены на то, чтобы обеспечить (или констатировать) несводимость переменных одного сорта друг к другу, то в подходах данного типа этого не требуется. Противоречивость видения агентом объекта снимается за счет введения онтологических дистинкций, позволяющих считать, что убеждения агента в действительности относятся к различным объектам или релятивизируются за счет присутствия в когнитивном сценарии некоторых дополнительных онтологических категорий. Подобные подходы могут развиваться на различных онтологических основаниях.

¹⁰³ См.: Куайн У. В. Указ. соч.

В пункте **2.3.4.2** представлен подход с темпоральными аспектами объектов, соотносимый с «четырёхмерной онтологией»¹⁰⁴. Отмечено, что применимость этого подхода ограничена его содержательной спецификой: возможные аспекты видения агентом объекта не исчерпываются пространственно-временными «срезами».

В пункте **2.3.4.3** предложен авторский подход на основе концептуального аппарата ситуационной семантики. Формализованное описание сценария «двойного видения» в его рамках выглядит следующим образом:

$$\exists s_1 \exists s_2 [Supp_a(s_1, S(o)) \wedge Supp_a(s_2, \neg S(o)) \wedge Inv(o, s_1) \wedge Inv(o, s_2)],$$

где s_1 и s_2 – индивидуальные переменные особого сорта, пробегающие по множеству ситуаций;

o – индивидуальная константа, указывающая на воспринимаемый объект;

S – предикатная константа, приписывающая воспринимаемому объекту свойство;

$Supp_a$ – предикатная константа, указывающая на отношение поддержки между ситуацией и высказыванием, имеющее место для агента;

Inv – предикатная константа, указывающая на отношение включенности объекта в ситуацию.

Предложен также подход на основе доксатической логики, охарактеризованный как формально отличающийся от предыдущего, но содержательно эквивалентный ему. Он основан на введении доксатического модального оператора G , смысл которого может быть передан как « x имеет основание считать, что...». Тогда пропозициональные установки агента «двойного видения» можно описать следующим образом:

¹⁰⁴ См.: Тискин Д. Б. Логико-семантический анализ явлений неререференциальной прозрачности в высказываниях о пропозициональных установках: дисс ... кандидата философских наук. СПб., 2017. С. 143–144.

$$G(a, S(o)) \wedge G(a, \neg S(o)),$$

при этом в силу семантики оператора G клаузы могут быть одновременно истинными, что устраняет противоречие.

Проведенный анализ лег в основу вывода, что такие онтологические категории, как «объект» и «ситуация», в определенном смысле являются эквивалентами эпистемических модальностей.

В **третьей главе** рассмотрены различные версии дэвидсоновской семантики событий. Эксплицированы онтологические постулаты, с которыми связано обращение к категории «событие» в этой группе теорий.

В разделе **3.1** представлены идеи А. Бергсона, Ф. Рамсея и Х. Райхенбаха, аспектуально предвосхищающие дэвидсоновский подход к логической форме естественно-языковых предложений.

В разделе **3.2** рассмотрен вопрос о том, является ли возможность решения проблемы наречной модификации реальным аргументом в пользу дэвидсоновской семантики событий.

В подразделе **3.2.1** описана проблема наречной модификации – формального обоснования логического следования предложения «Брут убил Цезаря» из предложения «Брут убил Цезаря в курии Помпея» (и в других подобных случаях). Рассмотрен ее контекст в философии языка Э. Кении¹⁰⁵.

В подразделе **3.2.2** описан подход Дэвидсона к решению этой проблемы. Его центральный тезис состоит в том, что в таких предложениях, как «Брут убил Цезаря в курии Помпея», у глагола присутствует скрытый аргумент. Этот аргумент представляет собой переменную, пробегающую над множеством событий. Только эта переменная и актаны предложения (например, *Брут* и *Цезарь*) являются аргументами предиката, выраженного центральным

¹⁰⁵ См.: *Kenny A. Op. cit.*

глаголом предложения, и формируют основную клаузу в его логической форме. Обстоятельства предложения (например, *в курии Помпея*) вводятся в дополнительных клаузах с предикатами, выражающими отношения между вторичными объектами (*курия Помпея*) и этим событием (в данном случае отношение состоит в том, что событие произошло в курии Помпея). Основная клауза соединяется с дополнительными клаузами конъюнкцией. Искомое логическое следование тогда имеет форму $\varphi \wedge \psi \vDash \varphi$.

В подразделе **3.2.3** описана критика в адрес как постановки проблемы наречной модификации, так и дэвидсоновского подхода к ее решению, а также альтернативные способы семантического анализа наречных модификаторов.

В формальной семантике Монтегю наречные модификаторы предстают как операторы, принимающие аргумент некоторого типа (предикатор или предложение) и возвращающие значение того же типа, но с модифицированными условиями выполнимости или истинности. Отказ Монтегю от дэвидсоновского подхода можно объяснить как различиями в онтологических позициях, так и мнением Монтегю о некорректности дэвидсоновской аргументации от логического следования. Это мнение связано с тем, что предложения с некоторыми наречными модификаторами (напр., *во сне* или *якобы*) отнюдь не предполагают логического следования к аналогичным предложениям без них. В последующей литературе различное влияние наречных модификаторов на логическое следование между предложениями фиксируется с помощью параметра *веридикальность* – *неверидикальность* – *антиверидикальности*.

Думается, однако, что семантика событий позволяет объяснить это различие, эксплицировав в предложении предметную составляющую (к ней относится в том числе то, что фиксируется «дэвидсоновской переменной») и

модальную составляющую. Это можно считать его преимуществом перед операторным подходом.

В подразделе **3.2.4** обоснована возможность решения проблемы наречной модификации альтернативным методом. Это служит аргументом в пользу вывода, что преимущественная мотивация к построению дэвидсоновской семантики событий носит онтологический, а не формальный характер.

В разделе **3.3** описана позиция Дэвидсона в дискуссиях о естественно-языковой онтологии и ее связь с дэвидсоновской семантикой событий.

Раздел **3.4** посвящен последующим модификациям и приложениям дэвидсоновской семантики.

В подразделе **3.4.1** описаны особенности неодэвидсоновской семантики. Они касаются как трактовки логической формы предложений, так и используемых онтологических категорий: в качестве значений дэвидсоновской переменной фигурируют не только события, но и процессы и состояния ¹⁰⁶.

Подраздел **3.4.2** посвящен подходу, предложенному А. Кратцер в конце 1980-х гг., в котором семантика событий определенным образом распространяется на именные части речи (неотглагольные существительные и прилагательные). В онтологическом аспекте этот подход опирается на предложенное ранее Г. Карлсоном разграничение категорий «индивид» и «стадия». Под стадией им подразумевается «пространственно и темпорально ограниченное проявление чего-либо» ¹⁰⁷, под индивидом – нечто, что «связывает серии стадий, делая их стадиями одной вещи» ¹⁰⁸. Идею Кратцер в общем виде можно сформулировать следующим образом: в естественном

¹⁰⁶ См.: *Parsons T.* Op. cit.

¹⁰⁷ *Carlson G.* Op. cit. P. 68.

¹⁰⁸ *Ibid.*

языке некоторые слова выступают как предикаты уровня стадии, а некоторые – как предикаты уровня индивида, причем различие между ними состоит в том, что у первых присутствует скрытый аргумент – событийная переменная, а у вторых он отсутствует¹⁰⁹.

В подразделе **3.4.3** описаны трудности неодэвидсоновской семантики, известные в литературе как *проблема квантификации событий* и *проблема модификации событий*¹¹⁰.

В разделе **3.5** выявлены онтологические установки, определяющие использование категории «событие» в (нео)дэвидсоновской семантике. Они играют роль семантических постулатов, при этом зачастую остаются неэксплицированными и варьируются в разных теориях.

В подразделе **3.5.1** показано, что решение проблемы наречной модификации, предполагаемое в дэвидсоновской семантике, не может носить сугубо формальный характер, а зависит от онтологического содержания, вкладываемого в категорию «событие».

В подразделе **3.5.2** показано, что некоторые теории в сфере семантики событий основываются на *постулате реализованности*: экзистенциальная квантификация событийной переменной понимается как утверждение о том, что формула с этой переменной истинна в действительном мире. Например, этот постулат проявляется в теориях М. Крифки¹¹¹ и Л. Шампольона¹¹². С

¹⁰⁹ См.: Kratzer A. Op. cit.

¹¹⁰ См.: Winter Y., Zwarts J. Event Semantics and Abstract Categorical Grammar // The Mathematics of Language. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 174–191.

¹¹¹ См.: Krifka M. Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics // Semantics and contextual expression. Dordrecht, 1989. P. 75–115.

¹¹² См.: Champollion L. Quantification and Negation in Event Semantics // Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication. Vol. 6. Manhattan (KS), 2011. Article 3.

другой стороны, в некоторых теориях фигурирует категория нереализованных событий.

В подразделе **3.5.3** рассмотрен *постулат контингентности*, который можно формализовано записать так:

$$\exists e[R(a_1, \dots, a_n, e)] \equiv R(a_1, \dots, a_n, w^*) \wedge \exists w[\neg R(a_1, \dots, a_n, w)],$$

где e – переменная, пробегающая по множеству событий,

w – переменная, пробегающая по множеству возможных миров,

w^* – константа, обозначающая действительный возможный мир.

Значение этого постулата подробнее рассматривалось в других разделах настоящей работы.

В подразделе **3.5.4** рассмотрен *постулат минимальности*. Под ним понимается тезис Кратцер о том, что событие является минимальной ситуацией. Показано, что это тезис несовместим с пониманием события Дэвидсоном.

В подразделе **3.5.5** предложено альтернативное понимание «минимальности» события, сформулированное как понятие *предельной фактичности события*, или *предельного факта для данного события*. Под этим подразумевается такое описание события, которое содержит минимум подробностей и при этом остается фактом, то есть указывает на реально произошедшее событие. Отмечено, что это понятие позволяет объяснить и снять возражения в стиле Монтегю против дэвидсоновской семантики (апеллирующие к неверидикальным или антиверидикальным наречным модификаторам).

В **заключении** подведены итоги исследования и намечены перспективы дальнейшей работы.

Апробация результатов исследования

Публикации

1. Смирнов М. А. Онтология сущностей и онтология фактов: возвращаясь к сравнению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. № 2. (В печати.)
2. Смирнов М. А. Основания, проблемы и перспективы современных концепций семантической корректности // Философский журнал | Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 140–156.
3. Макеева Л. Б., Смирнов М. А. Концептуальные схемы и релятивизм: критические аргументы Дональда Дэвидсона // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 59–78.
4. Смирнов М. А. Философия Канта и «лингвистическое кантианство» // Кантовский сборник. 2018. Т. 37. № 2. С. 32–45.
5. Смирнов М. А. О некоторых затруднениях в семантике событий // Десятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 15–17 июня 2017 г. – М.: Современные тетради, 2017. С. 116–118.
6. Смирнов М. А. Проблема онтологических обязательств в семантике событий // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 135–150.

Доклады на конференциях и семинарах

1. Семантика незнания: о некоторых аспектах ситуационной семантики и семантики событий // Научный семинар «From the Logical Point of View» Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ (Москва). 27 января 2023 г.
2. Характер пропозициональных установок в ситуациях «двойного видения» // Международная конференция «Смысл и

смыслообразование» (SeMaSe2022). Санкт-Петербургский государственный университет. 2 июня 2022 г.

3. Онтологические основания семантики событий // Научный семинар «From the Logical Point of View» Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ (Москва). 28 октября 2020 г.
4. О концептуальной схеме «размещенных особенностей» // X Международная конференция школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» (Москва). Секция, посвященная столетию со дня рождения П. Ф. Стросона. 25 апреля 2019 г.
5. Языки с локализацией особенностей и событийно-ориентированная онтология // Научный семинар «From the Logical Point of View» Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ (Москва). 12 марта 2019 г.
6. The Most Radical Approach to the Logical Form of Event Sentences // Международная конференция «Formal Philosophy». НИУ ВШЭ (Москва). 2 октября 2018.
7. Онтология и логика событий // Научный семинар «Формальная философия». НИУ ВШЭ (Москва). 28 июня 2017 г.
8. О некоторых затруднениях в семантике событий // Десятые Смирновские чтения по логике. Московский государственный университет. 17 июня 2017 г.
9. The Problem of Ontological Commitments in Event Semantics // HSE Semantics & Pragmatics Workshop. НИУ ВШЭ (Москва). 30 сентября 2016.